

Владимир Колычев

БЛОКПОСТ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Общий
тираж книг
В. Колычева
превысил
10 миллионов
экземпляров!

Владимир Колычев

Блокпост

«ЭКСМО»

2010

Колычев В. Г.

Блокпост / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2010

Конец света наступил в точно предсказанный срок. Но оказался совсем не таким, каким его представляли. Врезавшийся в нашу планету метеорит не вызвал катастрофического землетрясения или глобального наводнения – он принес с собой чудовищные формы жизни и создал Аномалье, зону расширения которого безуспешно пытаются сдержать гарнизоны блокпостов. Солдаты капитана Нагарова были посланы начальством на верную смерть, но именно их противостояние с порождениями абсолютного зла стало залогом спасения земной цивилизации.

© Колычев В. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	41
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Колычев

Блокпост

Глава 1

Как бы ни злился северный ветер, он все равно добрый, потому что дует с чистых земель, еще не тронутый гниlostным дыханием Аномалья. А он сердчал, пытаясь разогнуть дугу столетнего дуба с раскидистой кроной больных скрюченных листьев. Кряжистый толстокорый старик с кряхтением смеялся над молодым ветром, угрожал ему двумя, самыми крупными своими ветвями. Кривой, разлапистый, он живо напоминал косорога. Обрубленная макушка и отросшая от нее иссушенная болезнью ветвь усиливали сходство с этим исчадием Аномалья.

Ветер не мог справиться с дубом, но легко пригибал к земле кусты барбариса, отчего те походили на прыгучих кенгов, колеблющихся в своем стремлении напасть на жертву. Пень срубленного дерева чем-то напоминал воющего на луну зверопса. Но не меньше меня смущали две подгнившие сосны с коричневой хвоей, скрещенные в форме косо́го Андреевского креста. Невольно вспоминалась легенда, что когда-то на заре новой эры несколько римских распятий, окропленных кровью невинно казненных, превратились в деревья, а затем разрослись по всему миру. И вот люди должны были молиться, чтобы деревья снова не превратились в распятия и не оросились человеческой кровью...

Видимо, люди плохо молились, и лес превратился в проклятие для них. Зло убивало, убивает и будет убивать дальше. И остановить его невозможно...

В две тысячи двенадцатом году мне было семнадцать лет. Я хорошо помню то время, когда весь мир жил ожиданием конца света. Большинство скептически относилось к древним пророчествам, некоторые верили в них свято, но все же предчувствие грядущей катастрофы нависало над землей огромной тучей. И гроза все-таки грянула. С неба упал метеорит.

Энергия взрыва испарила небольшое озеро, свалила лес в радиусе двух километров, а сколько было пожаров... Но никто не посмел назвать это событие глобальной катастрофой. Тонны пепла не поднялись в воздух, чтобы окутать планету непроницаемой для солнца пеленой, не было разрушительных землетрясений, вызванных ими цунами. Не было даже человеческих жертв, потому что метеорит упал в безлюдное место.

Наэлектризованное ожидание апокалипсиса разрядилось полуистеричным хихиканьем в прессе и вздохом облегчения в обществе. Некоторые религиозные деятели поспешили заверить, что высшие силы дали людям знак. Бог простил человечество, но предупреждение все же послал. Казалось бы, конец света откладывался на неопределенное время. Но, увы, не все было так просто.

Через два года после падения метеорита стал вдруг чахнуть лес вокруг алтайского селения в тридцати километрах от места, где он упал. Выяснилось, что незадолго до этого местные охотники видели в тайге странное существо. Огромная голова, суженная и заостренная наверху, но утолщенная снизу – со стороны казалось, будто она студенистой массой стекает на желеобразное тело, зеленое, пупырчатое, лишенное половых признаков. Охотники утверждали, что у этого существа перепончатые лапы и драконий хвост, хотя рост у него небольшой, не более метра.

Но очень скоро охотники погибли: их поселок атаковала стая невиданных доселе зверей. Как выяснилось позже, это были обычные волки, массово подвергшиеся необъяснимой мутации. Нападение было жестоким, зверопсы вырезали всех жителей. Но покойники вдруг стали оживать, превращаясь в самых настоящих зомби.

Пораженный заразой лес в тех местах окончательно зачах, все живое, разумное и не совсем, переродилось в иную форму жизни, возможно, внеземного происхождения. В зоне метеоритного поражения образовались гравитационные и термальные аномалии, безопасные для мутантов и смертельные для людей.

Но самое страшное – аномальная зона разрасталась, захватывая все новые и новые территории. Сначала заболела флора, затем перерождалась фауна, зверопсы нападали на людей, убивая и заражая их мутагенным вирусом, как вскоре выяснилось, действительно внеземной природы. Гравитационные и термальные аномалии усугубляли ситуацию в зоне поражения.

Разумеется, с распространением космической заразы пытались бороться. В зону ввели войска, зараженных особей расстреливали на месте, зверопсов сжигали вместе с лесами, где они водились. Зона поражения получила название Аномалье, от нее огородились колючей проволокой и системой блокпостов. Увы, это лишь затруднило разрастание зоны, но совсем остановить ее не смогло.

Шаг за шагом, год за годом, Аномалье расширяло свои владения. На здоровых землях заболела флора, затем в лесах появлялись зверопсы. Населенные пункты превращались в осажденные крепости, жителей от нападения мутантов защищали войска, но вскоре вдруг выяснилось, что это вовсе не панацея от бед. На зараженных территориях люди подвергались психофизическому воздействию извне, они теряли рассудок, совершали безумные поступки, что делало их легкой добычей для зверопсов. С ума сходили не только гражданские, но и военные, призванные их защищать, это и разрушало заградительные кордоны.

Со временем для военных ввели специальный тест на психологическую устойчивость. Прошел его и я, выпускник военного института, лейтенант, а теперь капитан Нагаров. Поэтому и направили меня в заградительно-пограничные войска, командовать взводом в мобильно-штурмовом батальоне. Это было давно, семь лет назад. Не счесть операций, в которых мне приходилось участвовать. И с мутантами воевал, и с бандами мародеров...

Сейчас я стоял на смотровой площадке блокпоста и в бинокль рассматривал ближайший к нам участок леса, куда уже начали проникать внеземные метастазы. Чахнут деревья, умирают, но еще не прячутся среди них термальные и гравитационные аномалии.

«Духовку» бы я почувствовал интуитивно, даже с большого расстояния. У меня на нее теперь особый нюх. Полтора года назад моя группа зачищала брошенный поселок от перерожденцев; задание мы выполнили, но на базу возвращались ночью. То ли детектор в машине сломался, то ли уставший механик-водитель пропустил сигнал – так или иначе, но наш бронетранспортер угодил в облако раскаленного воздуха.

Не знаю, кто как, но я боюсь ада, потому что уже побывал там и знаю, как это больно – вариться в котле с кипящей смолой. Больно. Думаю, это простое слово не в состоянии эмоционально передать весь ужас тех мук, в которые ввергла меня проклятая «духовка»... Но если бы она доставила мне только физические страдания. Проклятье Зоны унизило меня еще и морально.

Врачи вытащили меня с того света, сделали пластику лица, но прежнюю внешность вернуть не смогли. Сейчас я мог смело сравниться с огородным пугалом, сшитым из лоскутов одноцветной, но неоднородной по своему составу материи. Вроде бы кожа на лице моя, но кусок на лбу пожелтел от времени, другой, на щеке, напротив, побелел, подбородок вообще приобрел синюшный оттенок. И эти уродующие швы, зарубцованные ожоги вместо бровей... На голове парик, нос заметно деформирован, губ почти не видно, уши частично из биопластика. Волосы на лице не росли, и это мне очень не нравилось: в противном случае отпустил бы бороду и усы, чтобы хоть как-то скрыть свое уродство. И на тело мое лучше не смотреть – под одеждой у меня там чуть ли не сплошной ожог.

Я видел, как смотрели на меня женщины, и поэтому стремился поскорей выписаться из госпиталя, чтобы вернуться в Аномалье, в самое пекло, где солдаты воспримут мое физическое увечье как своего рода медаль или даже орден.

Здесь, на заградительном рубеже мне, казалось бы, некого стыдиться. Но лохотенный, щеголеватый подтянутый полковник в новенькой, шитой на заказ полевой форме смотрел на меня с плохо скрытой брезгливостью. Благородный профиль, правильные черты лица, мягкий загар, до блеска выбритые щеки, тонкая трубка детектора, будто тросточка в руках денди лондонского, которой он, позируя, постукивал себя по ладони.

Брыль командовал заградительно-пограничной бригадой, чьи посты растянулись вдоль охрannого периметра на десятки километров. И сюда, на сорок второй-добрый-пятый блокпост он приехал в сопровождении своего делопроизводителя, симпатичной девушки в звании лейтенанта. Меня смущало ее присутствие: она смотрела на меня с жалостью, смешанной с отвращением.

– Вот так, капитан, еще год назад периметр находился в двадцати километрах отсюда. Зона, как видишь, наступает, но здесь мы ее должны остановить...

Полковник хмурил брови с видом человека, радеющего за судьбу планеты. Но я чувствовал, что расширение Зоны беспокоит его лишь в рамках обязанностей, которые он исполнял по роду своей службы. Он всерьез надеялся, что на его век чистых земель хватит, а после него – хоть потоп. Впрочем, я не пророк и мог ошибаться в своих суждениях.

– Два-три года? Вряд ли, – покачал я головой. – Хотя бы полгода продержаться. Лес уже ржавеет.

– Да нет, это просто листья желтеют, – не согласился со мной полковник. – Все-таки начало сентября...

– Я не о листьях, мне хвоя не нравится.

– Нормально все, капитан. Это не Зона, это осень наступает. А у нас все спокойно. У соседей, правда, недавно кенг на тракториста местного напал. Но, поверь, это единичный случай...

Не все люди, пораженные внеземной заразой, становились тупыми медлительными зомби. Некоторые зараженные особи – сокращенно, зосы – перерождались в резвых и притких кенгов. Эти твари, похожие на кенгуру с атрофированными человеческими головами, были для нас опасным противником. Звериная хитрость, помноженная на необычную силу, отменная реакция и скорость... Напав на солдата, кенг с легкостью отрывал ему голову вместе с каской. А у местного тракториста против него и вовсе не было никаких шансов. Поэтому я и не стал спрашивать, что стало с несчастным селянином.

Мне приходилось иметь дело с кенгами – я имел полное представление о том, насколько они страшны для человека. Поэтому готов был отдать жизнь, чтобы остановить наступление метеоритных аномалий, сузить ареал обитания порожденных ими зосов. Готов был, только предложений о равноценном обмене пока не поступало. Исполнить свой солдатский долг и умереть – это я могу. Но ведь Аномалье этим не остановишь: моя жизнь – слишком маленькая для такого счастья цена.

– Хотелось бы верить, – не стал спорить я.

– Не так страшен кенг, как его малюют, – небрежно отмахнулся полковник. – Зона разрастается, но зосов, как это ни странно, больше не становится. Мало того, их плотность в расчете на квадратный километр и вовсе уменьшается. И периметр увеличивается, поэтому его меньше рвут... Я так думаю, Аномалье находится на последнем издыхании. И уже близок тот час, когда не оно, а мы будем наступать на него...

– Ну, может быть, – нехотя согласился я.

Больше года я провел в госпитале. Следил за тревожными сводками из Аномалье, и мне казалось, что день ото дня его активность набирает обороты. Но полковник Брыль о последних

событиях в Зоне знает не понаслышке, возможно, у него есть основания для оптимистических прогнозов.

– А вот мародеров стало больше. Города и поселки пустые, а брошенного добра столько, что гуляй – не хочу. И гуляют. Потому что порядка никакого. А вдруг Зона отступит, как потом все награбленное вернуть? То-то же... В общем, принято решение возобновить дежурство на блокпостах дробь-четвертой линии. Все задействовать не будем, так, через два на третий. Людей опытных не хватает. Сам понимаешь, капитан, это, считай, передний край обороны. Аномалье – штука серьезная; молодых послать – все равно что выбросить. Это деньгами можно бросаться, а людьми никак нельзя. Ну, чего я тебе буду объяснять?

Я молча кивнул, мол, все понимаю. Опыта у меня немало. За годы службы в Зоне столько всего повидал, и самому не верится, что это было со мной, а не с кем-то другим.

К Брылю подошел начальник блокпоста, молодцеватый офицер в новенькой форме. Старший лейтенант Свистун. Бросив на меня презрительный взгляд, к начальнику он обратился с подхалимской угодливостью, доложил, что спецкоманда построена.

Так и сказал, спецкоманда. Ехидно сказал, с адресованной мне насмешкой. Ведь это я должен был командовать людьми, о которых он говорил.

Мы спустились со смотровой площадки на строевой плац блокпоста, где в шеренгу, по стойке «вольно» стояли бойцы, с которыми мне предстояло выполнять боевую задачу. Глядя на них, я понял, почему ерничал безусый старлей. И так вдруг захотелось с размаха врезать ему кулаком в нос так, чтобы хрящи всмятку и кровавые сопли до колен.

Я вовсе не расстроился оттого, что буду командовать этими людьми. Напротив, мне стало легче дышать: отступило волнение, которым терзался последние дни. Я представлял, как мои новые подчиненные примут меня, офицера с изуродованным лицом, и очень переживал из-за того, что меня могли поднять на смех.

Но сейчас смеяться мог я. Громким, истерическим смехом. Если бы обладал безупречной внешностью и увечной совестью. Если бы... Дело в том, что моя новая команда представляла собой сборную из таких же инвалидов, как я. Оторванных рук и ног не видно, зато лица моих бойцов наводили на мысль о состоявшемся конце света. Ожоги, шрамы, кожные лоскуты, деформированные лбы, глазницы, носы, челюсти...

Солдаты стояли, опустив головы, исподлобья наблюдая, как приближается начальство. На мою персону они посматривали с откровенным интересом, признавая во мне своего. Полковник и сопровождающий его начальник заставы воспринимались ими как чужаки. Что ж, неудивительно, если вспомнить вороватую улыбку на губах самодовольного Свистуна.

Сержант с изуродованным лицом и бельмом на глазу скомандовал: «Смирно!» Но полковник заметил, что из всего десятка выпрямились только трое, поэтому пренебрежительно отмахнулся, дескать, и без доклада хорошо. И приветствовать группу по-уставному не стал. Сразу обратился ко мне, удручая фальшивой улыбкой:

– Смотри, капитан, какие орлы! Двадцать человек.

– Десять, – поправил я.

– Ну, как же, за одного битого двух небитых дают!

Солдаты чувствовали неприязнь, сдобренную паточной фальшью, и низко склоняли головы, как будто этим могли скрыть свою увечность. Мне стало стыдно за полковника, за всех, кто насмехался над ними.

– Я разберусь, сколько и за кого дают, – также опустив голову, сказал я.

Сейчас мне хотелось только одного, чтобы полковник поскорее исчез. Видимо, ему передалось мое настроение, к тому же фарс тяготил и его самого, поэтому он в нескольких словах представил меня и, пожелав нам удачи, отправился в обратный путь. Задачу перед строем он ставить не стал, эта миссия легла на меня. Как я и предполагал, наша ссылка вызвала горькие

насмешки, но никак не протест. Мы все чувствовали, что нам никогда не стать своими в мире обычных людей.

Глава 2

Гигантские темно-серые горы, местами покрытые сизым снегом, поднимались к небесному своду от самого горизонта. Это всего лишь исполинские тучи вперемешку с кисельными облаками – явление довольно редкое, но совершенно безопасное: ни дождя не будет, ни грозы. Но мне казалось, что все-таки это какая-то новая аномалия Зоны, созданная для того, чтобы каменными глыбами обрушиться нам на головы. Нервы. Нервное напряжение. Знакомое и даже привычное ощущение, производное от инстинкта самосохранения, без которого на передовой не выжить.

Мы продвигались в глубь Зоны на двух старых бронетранспортерах, причем первый на жесткой сцепке тянул за собой второй. Дорога хорошая, сплошной асфальт, почти без выбоин, но ехали мы медленно, с опаской. Боевой вес «восьмидесятки» – почти четырнадцать тонн, вроде бы много, но мне на своем веку приходилось встречать гравитационный вихрь, способный оторвать от земли танковую роту вместе со всей техникой и личным составом.

А термальная аномалия?.. Уж кому, как не мне, знать, что это такое? И мало не покажется, если въехать в нее на бронетранспортере. Будут потом человечки, запеченные в бронешелетах. А если разместить людей в десантных отсеках, то – жаркое в горшочке... Из всех, кто ехал со мной в бронетранспортере полтора года назад, в живых остался только я один. Уж я-то знал, как это бывает.

Рядовому Гуцулу не пришлось познать прелести «духовки» на своей шкуре. Но что такое гравитационный вихрь, он знал хорошо. Ему, можно сказать, повезло: он угодил в слабенький смерч; парня лишь слегка потрепало, после чего, правда, месяц-другой пришлось отлеживаться на больничной койке. А к нам он попал после встречи с обычной шаровой молнией, которая выжгла кости его черепа и опалила кожу лица. Врачи вернули ему жизнь, но после госпиталя, страшный, как атомная война, парень оказался в нашей солянке. Сейчас он управлял бронетранспортером и напряженно всматривался в дорогу через водительский люк в лобовом бронелисте.

Сама по себе шаровая молния как бы и не аномалия, но в радиусе нескольких километров от места падения метеорита это, в общем-то, привычное для нашей планеты явление чрезвычайно активизировалось. Причем здешние молнии обладали невероятной агрессивностью, прелести которой Гуцулу довелось испытать на собственной шкуре. И еще он уверял, что после случившегося на них чувствует и электрические, и термальные, и даже гравитационные аномалии. Я ему верил, но все же следил за приборами...

Полковник Брыль располагал новейшим детектором третьего поколения, способным различать любые, самые незначительные аномалии на расстоянии ста метров и днем и ночью. А нас осчастливили давно устаревшими «Дозорами», с первым, самым низким уровнем детекции. Видимо, там, на внешней стороне периметра, без самой современной техники не обойтись. Как-никак передовая. Там и БТР-90 с маломощными двигателями, всевидящие, приспособленные для ночной охоты в Аномалье. И оружие у солдат на блокпостах лучшее – модернизированные автоматы «АК-9М» с универсальными компьютеризированными прицелами, крупнокалиберные карабины, пулеметы «Корд-РМ» и «Печенег-2» с мощными бронебойно-разрывными пулями, дальнобойные револьверные гранатометы, о приборах ночного видения и говорить не приходится... А здесь, во вражеском тылу, можно обойтись оружием из арсенала древности. Я не спорю, «АКМ» и «ПК» – оружие уникальное и не устаревающее, но на нем не было современных прицелов. Нет и патронов, пули которых способны разорвать в клочья любого монстра...

А экипировка? У солдат на блокпостах я видел высокотехнологичные бронекомбинезоны, которые два года назад полагались только бойцам спецподразделений. Нам же досталась устаревшая защита, тяжеловесная и безнадёжная в условиях аномальной активности.

– Командир, зосы! – тронул меня за плечо рядовой Скорняк, сидевший на броне слева от меня, за башней.

Ствол автомат он повел в сторону фермы, имевшей вполне приличный вид. Добротная шиферная крыша, белёные стены, все окна целые; чувствовалось, что люди ушли отсюда совсем недавно.

Действительно, в загоне для коров я увидел человекообразное существо в грязной рубашке и разорванных шортах. Склоненная к земле голова, лысая, с налипшими на нее листьями, совершенно пустые глаза, подгнившая кожа, длинные, безвольно опущенные руки, разбалансированные движения, едва волоочащиеся ноги. Пустая человеческая оболочка, полутруп, лишенный разума. Медлительные, неуклюжие существа, движимые одним лишь голодом. Неподалеку, возле обгоревшего тракторного остова, бесцельно слонялся еще один зомби, в обносках, босоногий.

Расстояние до них метров сто, не больше, бронетранспортер еле двигался – зосы представляли собой удобные мишени. Но Скорняк даже не вскинул автомат.

– Чего не стреляешь? – апатично спросил я.

– Зачем? – пожал плечами парень. – Что они нам сделают?

В зомби человека превращает укус зверопса, этого главного и почти единственного разносчика инопланетной заразы. В первые несколько часов перерожденное существо способно применить огнестрельное оружие против людей, но со временем остатки разума исчезают в пустотах черепной коробки, и новообращенный превращается в заторможенного бродягу, бесцельно шатающегося по Зоне. В поисках пищи он может напасть на человека, но его атаки легко избежать, если, конечно, в голове мозги, а не тормоз...

– Ничего не сделают, – соглашаясь, кивнул я.

– Тогда зачем их трогать? Чем они хуже нас? – печально посмотрел на меня Скорняк.

Он участвовал в истребительно-штурмовых операциях в глубинах Аномалья и в последнем бою стал жертвой перестрелки с бандой мародеров. Попал под выстрел из огнемета, после чего целый год провел в госпитале. Его лицо было изуродовано не меньше моего, к тому же он остался без левого глаза и правого уха. И еще у него совершенно сгорела верхняя губа, отчего были обнажены не только зубы, но и десны.

– Они такие же несчастные, как мы, – с тоской в голосе заключил Скорняк.

– Да, но только они этого не осознают, – в том же тоне добавил сидевший за ним Чиж, могучим своим басом заглушая рев двигателя, тянущего две перегруженные машины.

Этот парень был в свое время атакован гигантскими крысами, не заразными, но злобными и кусачими. Врачи спасли ему жизнь, но не смогли сохранить внешность. Его лицо представляло собой сплошной большой шрам, состоящий из множества мелких, носа у него не было вообще, вместо него – пластиковый протез. К тому же рубцы по необъяснимой причине все время гноились – не сильно, но заметно, поэтому их нужно было постоянно смазывать необыкновенно вонючей мазью. Зато Чиж смог отрастить пышную бороду, чем скрыл увечья нижней части лица и шеи.

– Ходят себе, бродят... Чувствуют, наверное, что где-то скотомогильник. Найдут, раскопают, нажрут от пуза, – совсем не злорадно предположил он.

– Надо запомнить, – хмыкнул Скорняк. – Если вдруг станем зосами, хоть буду знать, куда идти.

– Не болтай, накаркаешь, – одернул его я.

– Смотри, смотри! – заорал Гуцул, еще выше подняв голову.

Метрах в пятидесяти по курсу, на обочине стояли зомби. Мутировавший мужчина в изорванной куртке, похожая на мумию женщина в лохмотьях, чумазы дети – мальчик в шортах и девочка с окровавленными бантами, вплетенными в косички. Их скрывал толстый ствол тополя, поэтому Гуцул заметил их только сейчас. Но сами они не пытались прятаться. Стояли, покачиваясь, тупо смотрели в нашу сторону. А когда мы поравнялись с ними, девочка даже помахала нам рукой. Возможно, она приняла нас за своих.

Я глянул на Скорняка и горько усмехнулся. Лицо у девочки страшненькое, кожа безжизненная, мертвенно-желтая, на шее рваная рана от волчьих зубов, но все же она выглядела лучше, чем я, чем все мы...

Чиж вскинул автомат, но тут же опустил его. Полез в свой ранец, достал оттуда две пачки галетного печенья, бросил зомби. Они приняли дар, но поднимали его с земли медленно, неторопливо. Я видел, как отец неловким движением разорвал пачку, часть печенья отдал сыну. Мать поделилась с дочерью. До спора и до драки дело не дошло, а ведь такой финал казался мне вполне закономерным. Однажды я видел, как зомби рвут друг друга на части, пытаюсь поделить ногу, отодранную от человеческого трупа. Мне тогда пришлось пристрелить обоих, потому что зосы вели себя очень агрессивно и могли порвать на ужин меня самого...

– Семья, – сказал Чиж, одним словом выразив суть происходящего.

– Семья... – подтвердил Скорняк. – У меня ведь тоже когда-то была семья. Жена, дети... А у тебя, командир?

– Наши жены – пушки заряжены, – отговоркой отделался я.

Во время учебы в военном институте я едва не женился на одной рязанской красавице. Вроде бы и она согласна, и я не прочь, но мы решили проверить наши чувства временем. Я отправился служить в Аномалье, а Лена через год благополучно вышла замуж за другого. Переживал я не особо, ведь впереди у меня была целая жизнь... Была. Да сплыла. Теперь я калека, и с женщинами мне ничего не светит. И даже хорошо, что с Леной у нас не сложилось, иначе бы мне пришлось пережить горечь развода.

– А где сейчас твоя семья? – спросил Чиж.

Скорняк тоскливо вздохнул, и я приготовился выслушать трагическую историю о гибели его близких.

– Нет жены. Как в песне, ушла к другому. Если бы сама, а то вместе с дочкой.

Я облегченно вздохнул. Уж лучше такой исход, чем смерть.

– Из-за ранения? – предположил Чиж.

– Да нет, еще до этого. Я же все время в командировках, а Любка у меня дама красивая. И охотников много... Нашелся один. Я их убить хотел. Обоих. А потом подумал, может, оно и к лучшему, – в унылой улыбке скривил единственную губу Скорняк. – Сейчас у нее жизнь налажена. А меня уже похоронили...

– Кто тебя похоронил, чего ты несешь? – толкнул его в плечо Чиж.

– А то ты не знаешь, зачем нас в эту дыру сунули! Всех самых красивых в одну кучу собрали. Чтобы мы своей красотой никого не пугали!

– Тоже мне открытие! Я это еще раньше тебя понял. Всех нас похоронили... Командир, как ты думаешь?

Я многозначительно промолчал. Скорняк и Чиж – опытные бойцы, обоим уже за тридцать, поэтому им позволено обращаться ко мне на «ты». Но в любом случае я – их командир и в полемику с подчиненными вдаваться не должен, тем более в ту, от которой тянуло нехорошим душком. Только пораженческих настроений мне здесь не хватало. Ничего, я со Скорняком еще поговорю на эту тему, но с глазу на глаз, чтобы не оскорблять его при товарищах.

Похоронили нас... Может, и похоронили. Вместе с устаревшим оружием. Известно же, что для покойника покупают самый дешевый костюм, все равно ведь в гроб класть... Но я сам не должен поддаваться упадническому духу и других от этого удерживать.

Глава 3

Порывистый ветер, будто гигантской метлой, смахнул с дорожного полотна ворох опавших листьев, вихрем закрутил их, смешал с пылью, швырнул в овраг. Что это? Дорогу нам ветер освобождает или просто предрекает беду.

Наши машины стояли возле заправочной станции, от которой осталась только площадка и кирпичная коробка здания. Предусмотрительный хозяин умудрился увезти с собой даже крышу над колонками. Что уж говорить о топливе, которое могло бы нам пригодиться.

Сразу за станцией дорога плавно изгибалась, поднимаясь на невысокий холм, на котором и расположился брошенный блокпост. Всего каких-то двести пятьдесят – триста метров, но я не решался продолжить движение. За два десятка километров пути нам ни разу не попалась хотя бы маленькая аномалия. Может, потому мне сейчас и казалось, что на последнем отрезке марша нас поджидает страшная и очень хитро замаскированная ловушка...

Душа вибрировала, как туго натянутая струна, которой коснулись пальцем. Казалось, где-то рядом излучала мощная пси-антенна, навевая на меня страх и уныние. И еще я чувствовал, что за мной наблюдают, причем со всех сторон и даже сверху. В условиях Аномалья эти столь некомфортные для психики ощущения – явление, в общем-то, заурядное. Просто я давно уже не был в Зоне, отвык от ее художеств. Поэтому лишний раз огляделся и хотя ничего подозрительного вокруг не обнаружил, нервы остались в напряжении. Направил взгляд на блокпост, поднес к глазам бинокль, и в это время на заправочной станции что-то гроыхнуло. Я вздрогнул. А ведь это был всего лишь металлический лист, сорванный ветром с пожарного щита. Нервы.

– Командир, там какое-то движение, – опередил меня сержант Шпак.

Он и без оптики разглядел два человеческих силуэта на крыше блокпоста. А ведь у него с глазами большие проблемы. И все из-за мародеров, в лапы которых он попал. Над ним издевались, облив его азотной кислотой. Эта дрянь не выела ему глаза, но обожгла веки. Восстановить их удалось лишь частично, однако функцию свою они выполнять отказывались, поэтому сержант вынужден был ежеминутно капать в глаза смазывающую жидкость.

Я снова взялся за оптику, навел бинокль на объект. Как я и ожидал, это были зомби. Они стояли на плоской крыше гаражного бокса, вместе со всеми строениями блокпоста обнесенного земляным валом. Пустые глазницы, тронутые тленом лица, обреченно склоненные головы. Но на них я обнаружил остатки армейской формы и разгрузочных жилетов. Оружия при них не было, но все равно я должен был отнестись к ним со всей серьезностью.

– Зомби, – сказал я, опуская бинокль. – Похоже, из наших, армейских...

– Может, с блокпоста? – закапав глаза, спросил Шпак. – Здесь заразились, здесь и остались...

Не похоже было, что сержант шутит, но все же я отнесся к его предположению с юмором.

– Что, всей ротой?

– Ну, не знаю. Пока только двоих видим... Там пулеметы не просматриваются?

Отвечать я не стал, но подал команду: «К машине!»

По периметру блокпоста, на крепостном валу располагались дзоты. С нашего ракурса я отчетливо мог видеть только две такие огневые точки, находящиеся с обеих сторон тяжелых откатных ворот. В амбразурах не было заметно направленных в нашу сторону стволов, и все же я решил спешить группу, спрятать ребят за броню боевых машин, а башенные пулеметы развернуть в сторону предполагаемого противника. Вот будет история, если нам придется отбивать у зомби свой блокпост... Только почему-то не смешно. Слишком много в этом районе зосов, за двадцать километров пути это была уже третья встреча с ними. Что-то здесь не так. Как бы нам самим не пополнить их ряды...

К блокпосту мы двинулись по дороге, медленно, внимательно, чтобы не нарваться на тщательно замаскированную аномалию. Порой даже мощный детектор не в состоянии предупредить о западне; спасти в таких случаях может только интуиция, отточенная долгим пребыванием в Зоне. А малоопытных бойцов у нас в группе всего двое. К тому же они еще и глупые. Их я оставил охранять отцепленный бронетранспортер и походный скарб, погруженный на броню. Обращаться с башенными пулеметами эти парни вроде бы умеют. Вроде бы...

Исправный БТР шел по левому краю дороги, прикрывая нас от возможного огня. Если вдруг в арсенале предполагаемого противника окажется противотанковое оружие и наша машина будет уничтожена, нам придется уйти в поле, что расстилось по обе стороны от дороги. Трава там стояла по пояс, это меня и пугало. Затеряться в ней могли не только мы, но и аномалии. Еще я боялся, что на ближних подступах к блокпосту могут оказаться противопехотные мины. Брыль говорил, что их убрали. Но разве можно верить человеку, который воспринимает тебя как расходный материал?

Мы шли по дороге, в любой момент готовые рассредоточиться. Если бронемашина сгорит, дальше в атаку я людей не поведу, не стану губить их. Мы отступим на исходные позиции и решим, что делать дальше. Проведем тщательную разведку, прощупаем подступы к блокпосту, если будет необходимость, разминировем их, а ночью незаметно подберемся к объекту и возьмем его штурмом. Связываться со штабом бригады я, пожалуй, не стану. Вертолеты огневой поддержки или дальнобойная артиллерия нам не помощники: они смешают блокпост с землей, а это никак не входило в наши планы...

Какое-то время зомби оставались на крыше, наблюдая за нами, затем исчезли из виду. Может, решили убраться подальше-поздорову, а может, спустились в дзот, чтобы обстрелять нас из пулеметов... Не думаю, что их огонь будет точным, но бдительность терять никак нельзя. Первая заповедь штурмового бойца – нет слабых врагов, и даже к полудохлой крысе относиться нужно так, будто перед тобой стоя зверопсов.

Дорогу, по которой мы шли, перекрывал контрольно-пропускной пункт – приземистое здание из серых блоков, с плоской крышей, на ней еще оставалась огневая точка, сооруженная из мешков с песком, к счастью, без пулеметчика. И у ворот, перекрывающих дорогу, ничего подозрительного я не заметил. Перевернутый «уазик» без колес, рухнувший электрический столб, лежащие на дороге деревянные ящики, прочий мусор – это всего лишь элементы бардака, порожденного эвакуацией. Дробь-четвертая линия ограждения в целом сохранилась, а ведь это несколько рядов оцинкованной проволоки, такая и в домашнем хозяйстве пригодится, и на металлолом можно сдать вместе с перевернутым и никому не нужным автомобилем. Целый год прошел с тех пор, как отсюда ушли люди. Неужели охотники за металлом упустили из виду этот участок? А может, им просто не позволили добраться до подобных трофеев?..

От здания пропускного пункта к периметру блокпоста тянулась крытая галерея такой же примерно высоты, как земляной вал. Это был один, пеший проход к объекту. А техника на двор заставы могла попасть по патрульной дороге, пересекающейся с основной и тянущейся вдоль линии ограждения. Она проходила мимо блокпоста с безопасной – в свое время – северной стороны, от нее и ответвлялся подъезд к воротам.

Ворота, замыкающие крепостной вал, были открыты, но именно это меня и насторожило. Не ловушка ли там?

Путь через обваловку я считал неприемлемым. Склоны ее крутые, но преодолимые для пешего бойца. И все три линии проволочного заграждения на дальних и ближних подступах к ней вполне проходимые: где-то столбы повалены, где-то вообще ничего нет. Но на самом валу могли оказаться хитроумные мины, почти недоступные для сапера. Разминирование в этом случае требовало немало времени, а также умения, поэтому при отступлении на них могли махнуть рукой. Такое предположение меня не пугало, напротив, нам было выгодно, чтобы мины

сохранились. Ведь нам самим предстояло оборонять этот объект. Конечно, если мы сможем до него добраться.

Если, если... Что-то не по себе мне. Предчувствие нехорошее. И это ощущение, что кто-то контролирует каждый наш шаг... Все это давило на психику так, что в самую пору повернуть назад.

Но все же я продолжал вести группу. Контрольно-пропускной пункт все ближе. Вот мы вышли к патрульной дороге, высокая трава отступила, и мы смогли увидеть въездные ворота по всей высоте. Я заметил, что из них неторопливо и обреченно выходят зомби. Расстояние до них метров сто, не больше – пулеметный огонь плотно накроет цель. Но команду открыть огонь я подавать не стал. И никто из моих подчиненных не рвался стрелять без приказа.

Мы остановились на развилке, глядя, как зомсы выходят на патрульную дорогу и поворачиваются к нам спиной. Они не пытались атаковать, как будто понимали, что смысла в том нет... Почему как будто? Может, действительно понимали? Ведь они смогли понять, в каком направлении мы движемся, сообразили, что нужно уходить, спустились с крыши, и вот они уже уходят от нас. Возможно, они чувствуют исходящую от нас опасность. Может, потому плетутся немного быстрее, чем обычно...

Я повел группу по патрульной дороге, мы приблизились к воротам, осторожно зашли во двор заставы. Никто не пытался нас остановить, но мне все равно казалось, что за нами наблюдают. Скорей бы привыкнуть к этому давлению извне...

Блокпост представлял собой фортификационное сооружение в форме прямоугольника с закругленными углами. В нем располагался компактный военный городок в расчете на роту солдат. Через ворота мы преодолели линию земляного вала, вдоль которого изнутри тянулась круговая дорога.

Вторые ворота, также открытые, вывели нас в автопарк. Слева и справа тянулись приземистые гаражи на шесть боксов каждый. Забетонированная площадь между этими сооружениями завалена была всяким хламом – ящиками, досками, обрезками покрышек, на ветру с трескучим шорохом полоскался кусок полиэтилена, свисающий с крыши. Ни единого живого существа в парке.

Оставив бронемашину на территории автопарка, мы продолжили путь, уперлись в казармы с обычными окнами, каждое из которых вполне могло служить пожарным выходом. Почти все стекла на месте, но грязные, пыльные, густо затянутые паутиной.

Казарма тянулась с востока на запад. Первое крыльцо с пластиковым козырьком, второе – в проходе между зданием и торцом гаража, третье выходит на небольшой строевой плац, слева огороженный Г-образным сооружением, которое, насколько я знал, занимали караулка, гостиница, баня с котельной и столовая. Штаб и офицерские комнаты находились в западном крыле казармы.

Начиная от восточного гаража, по часовой стрелке, три казарменных блока, штаб, бытовые сооружения и западные боксы образовывали своего рода оборонительную линию, соединенную массивными въездными воротами автопарка. Плоские, просмоленные крыши стрелений представляли собой смотровые площадки, на которых еще громоздились мешки с песком, оставшиеся от разобранных огневых гнезд. Расстояние между обваловкой и зданиями – не менее пяти метров, чтобы кенги, забравшись на крепостной вал, не смогли запрыгнуть с него на крыши. А для того чтобы сооружения не сгорели при обстреле, их строили основательно, не из легких конструкций, а из бетонных блоков. Работа, надо сказать, топорная: мало того, что стыки между блоками густо заляпаны кладочной смесью, так еще и стены выложены не совсем ровно. Впрочем, эстетическая привлекательность нас волновала мало. Главное – прочность...

Не знаю, кто и зачем высыпал на строевом плацу и раскидал по сторонам кучу крупного, темно-серого щебня. Стертая временем и непогодой разливовка забрызгана красной краской. Сначала я подумал, что это кровь, но, присмотревшись, признал свою ошибку.

Кровь я увидел чуть дальше. Ею были забрызганы стены столовой, окна, двери, крыльцо, площадка перед ней. Но и это было еще не все. Черепа, разбросанные кости рук, ног, позвонки, ребра...

– Похоже, кто-то здесь порезвился, – высказался Шарп.

Его позывной не имел никакого отношения к японской технике. Дело в том, что, так же как и я, он в свое время попал в «духовку», но кожа его лица обгорела незначительно. Во всяком случае, менять ее не стали. Однако непонятно почему она очень сильно растянулась, встопорщилась, и лицо рядового теперь напоминало морщинистую кожу шарпея. Отсюда и название...

– Похоже, здесь побывали кенги, – предположил я.

И случилось это, скорее всего, после того, как отсюда ушел гарнизон. Нормальный командир ни за что бы не бросил здесь останки своих солдат. Возможно, здесь пытались укрыться местные жители, а зосы настигли этих несчастных. Кенги разорвали тела на куски, а зомби обглодали кости... Иного объяснения у меня не было. Да я и не пытался замыливать голову детальным расследованием произошедшего. О будущем нужно думать, а прошлым пусть займутся историки, когда не станет Аномалья. Если это когда-нибудь случится...

Мы осторожно прошли в столовую. Гулкий пустой зал, плиточный пол, крашенные масляной краской стены, на одной из которых, от пола до потолка была изображена картина – бронетранспортер, сидящие на нем бойцы с улыбками на лицах, под одним колесом барахтается раздавленный косорог, на другое намотан кенг... И образ был грамотно создан, и прорисовка деталей выше всяких похвал. Солдаты на броне выглядели как живые. Наверняка художнику позировали служившие здесь пограничники.

Наши предшественники патрулировали свой участок границы, сдерживали зосов, отбивались от мародеров, в общем, служили как надо, справлялись со своей задачей. Но все же у них не было тех проблем, что у нас. Они стояли на передовой, но не в тылу врага. Гарнизон был многочисленным, вооружение и техника не чета нашему и местность вокруг не кишела зараженными особями. А блокпост они покинули при первой же опасности, потому что начальство заботилось о них. Нас же бросили на съедение волкам. И я очень хотел, чтобы это мое предположение оказалось ошибочным...

Глава 4

Нагромождение туч казалось мне крышей, через мансардное окно которой под острым углом вонзается в землю сноп солнечного света. Я стоял на крыше казармы и видел, как закатная охра красит синевато-серую гладь озера, разлившегося в каком-то километре от блокпоста. Из-за игры света мне казалось, что вода смешана с кровью. Или это у меня воспалилось воображение...

К озеру примыкал поселок, он хорошо просматривался за голыми, болезненно скрюченными ветвями придорожных тополей. Дома, улицы... Брошенные дома, пустынные, заваленные хламом и опавшей листвой улицы. За озером, дальше от поселка, я заметил темную шиферную крышу высокого здания, почти целиком скрытого от глаз зачахшей сосновой рощей.

Поселок и озеро находились за «колючкой», в запретной зоне, год назад сдвинувшейся на двадцать километров на север. И хотя мы сами сейчас находились далеко за линией «фронта», во вражеском тылу, мне все равно казалось, что там, в поселке более опасно, чем здесь, за линией ограждения, прорванной во многих местах.

Я не удивился, когда возле магазина с выбитыми витринными стеклами увидел бесцельно шатающихся зомби. В бинокль была хорошо видна их одежда, вернее, то, что от нее осталось. Один был в рабочем комбинезоне и резиновых сапогах, на другом сохранились остатки формы, но, похоже, не военной, а милицейской. Я смог разглядеть даже измазанный грязью командирский ремень с кобурой, в которую, возможно, вложен пистолет. Но если так, то воспользоваться своим оружием зомби не сможет. Слишком далеко он ушел от человеческой сущности. Синюшное лицо, местами лопнувшая кожа, по которой растекался гной, глаза настолько глубоко провалились в глубь черепной коробки, что их вообще не было видно. И походка у него беспомощная. Он шел, сильно наклоняясь вперед, как будто для того, чтобы нога следовала за телом под действием одной только силы тяжести. И каждый раз, когда он опирался на безвольно поставленную ногу, мне казалось, что это его последний шаг. Его спутник находился не в лучшем состоянии...

Похоже, зомби – привычное явление для этих мест. С блокпоста они убрались, но это не значит, что ночью у них не возникнет желания вернуться обратно. Соберут свою полумертвую рать и громко заявят о своих правах.

А ночь уже скоро; заставу окутает тьма, а у нас, увы, нет электричества. Отсутствуют и прожекторы, чтобы осветить подступы к заставе. О приборах ночного видения и говорить не приходилось. Об осветительных ракетах тоже. Был только прицел ночного видения на исправном бронетранспортере, но я не мог оставить пулеметную установку без глаз. Свечей тоже мало, и штурмовые фонари не у каждого бойца. Небо же затянуто тучами, и ночь наверняка будет безлунной.

Мы обследовали блокпост, теперь нужно навести здесь порядок – провести генеральную уборку, очистить территорию от мусора, вымыть окна. Может, нас и бросили на произвол судьбы, но все же мы люди военные, приученные к порядку, так что бардаку – бой.

Я бы не сказал, что застава досталась нам в разграбленном состоянии. Во всяком случае, мародеры здесь не бесчинствовали. Но прежние хозяева вывезли отсюда все, что представляло хоть какую-то ценность для обустройства на новом месте, – кровати, столы, стулья, даже электрическую печь из пищеблока не забыли. Из котельной забрали оборудование. Хорошо, что в сооружениях остались трубы и батареи отопления. А котел и заказать можно. Как и все остальное, чего нам не будет хватать для полноценной жизни...

Я хорошо помнил, как Брыль убеждал нас, что сорок второй-четвертый блокпост всего лишь законсервирован и большая часть имущества находится под замком на складе, раз-

мещенном в подвале столовой. Склад мы нашли, замок сбили, но ничего не обнаружили, кроме хлама из сломанных кроватей, столов, стульев и прочей казарменной утвари. Что ж, буду звонить полковнику, и если он вдруг начнет воротить нос от наших нужд, я ему быстро вправлю мозги. Это я для себя не привык ничего просить, но ради своих подчиненных пойду на все. И лучше полковнику не знать, как далеко я могу в этом зайти.

А ведь я чувствовал, что полковник водит нас за нос. Поэтому и не стал отказываться от списанного бронетранспортера, выделенного нам в нагрузку к исправной машине; мы использовали его как грузовик – забили десантные отсеки оружием, боеприпасами, а на броне закрепили походное имущество из того барахла, что не пожалели для нас армейские кладовщики. Отопительные печи, матрасы, одеяла, белье постельное и нательное, мыло, посуда, всякое-разное, необходимое в обиходе. О провизии, конечно же, не забыли, о питьевой воде. Даже позаботились о запасе осиновых дров, которые горят жарко и почти без дыма.

Я развернулся на сто восемьдесят градусов, вышел на край крыши, откуда хорошо просматривались два бронетранспортера. Ими мы перекрыли проход между торцом западного гаража и вторым блоком казармы, откуда на крышу можно было попасть через люк по удобной железной лестнице. Мешки с песком есть, на крыше их уже много, осталось соорудить укрепление вокруг этого люка, чтобы противник не смог попасть через верх в облюбованное нами спальное помещение. Подступы со двора обороняли бронетранспортеры с их мощными башенными пулеметами.

В прошлом на блокпосте размещалась целая рота солдат. Большая часть личного состава была задействована для патрулирования границы, но в любом случае людей для охраны и обороны объекта хватало. Да и в инженерном отношении на заставе имелось все – системы наблюдения, ограждения и сигнализации, минные поля, огневые точки...

Ничего, пока у нас нет возможности держать под контролем весь блокпост, будем довольствоваться малым. А со временем мы обживемся, рассчитаем и расширим свои возможности – восстановим проволочное ограждение вокруг заставы, насытим подступы к ней сигнальными и противопехотными минами. И каждый боец будет работать за троих...

За моей спиной послышался шорох; обернувшись, я увидел Малыша и Титаника, с пыхтением втаскивающих на крышу очередной мешок с песком.

– Все, командир? – устало спросил рыжеволосый детина с изуродованным шрамами лицом.

– Да все, все, сам знаешь, что все. Тут можно целый замок сложить, – опередив меня, звонким фальцетом затараторил его приятель, низкорослый, крепенький паренек точно с такими же увечьями. – Крышу из брезента натянем, пулеметы поставим. Чур, я первый по зосам стреляю!..

– Все? – резко перебил его я.

– Все, – растерянно хлопнул глазами Титаник.

Казалось, его удивило, что я посмел остановить его. Но при этом он смотрел на меня снизу-вверх, заискивающе, выгнув шею.

Рослый Малыш производил впечатление человека, чуть более сообразительного, чем его товарищ. Но все равно я считал его, по меньшей мере, не очень смышленным.

Малыш и Титаник призвались из одного района, вместе поступили на контрактную службу, год охраняли запретную зону по внешней стороне периметра, затем им вдруг захотелось попасть в спецназ. Для этого им элементарно не хватало соответствующей подготовки, но ребята решили, что им отказали из-за недостатка боевого опыта. Бедовый Титаник подговорил Малыша сделать себе скарификацию, изуродовать свое лицо «боевыми» шрамами. И сам тоже лег под нож хирурга, который, надо сказать, был гением в своей области. Он сделал на лицах этих остолопов шрамы с рваными, заостренными лепестками, похожие на те, которые оставляет пуля на выходе из жестяной банки. А чего стоил след от «удара ножом» с отслаивающи-

мися от него лохмотьями зарубцованной кожи. А как изумительно им распороли щеки, чтобы стал шире рот. Там были не просто раны, а произведение искусства – как ни пытайся сжать губы, боковые зубы все равно видны, как верхние, так и нижние. Я при всем желании не смог бы изуродовать так даже самого лютого врага. А эти по своей воле сделали из себя уродов. И, можно сказать, добились своего: попали к бывалым спецназовцам, из которых состояла наша группа. Теперь им так же, как нам, предстояло выполнять задачу в глубине Аномалья.

Я показал, где и как укладывать мешки с песком, а сам спустился в казарменный отсек, где бойцы обустроивали свой быт. Скорняк занимался найденными на складе кроватями. Если не удавалось приладить панцирные сетки к железным ножкам, он ставил их просто на ящики, которыми был захламлен двор заставы. Гуцул, Чиж и Шарп находились во дворе; первые двое готовили к бою башенные пулеметы, а третий снимал с бронемшины прожектор, чтобы установить его на крыше.

Не нравилась мне эта затея. Чтобы прожектор светил, нужно постоянно подзаряжать аккумуляторы, а значит, будет работать двигатель, тарыхтеть за окном. Хорошо еще, что исправный бронетранспортер был повернут к нам передом – меньше выхлопов просочится в помещение.

Пух готовил ужин, примостившись в углу казарменного отсека. Примус уютно гудел, в кастрюле булькала каша с мясом из сухого пайка.

Пух любил поесть, и его лишний вес бросался в глаза. Но комплексовал он по другой причине. Парень принимал участие в штурмовых операциях, представлялся к боевым наградам, но ни разу при этом не был ранен. А обидела его природа, надругалась над ним с самого рождения. А может, акушер постарался, руками смял нос, надбровья, продавил ему лоб, когда вытаскивал его из материнского лона. Возможно, в его переносицу врезалось пушечное ядро из древней пушки. Я, конечно, понимал, что такого быть не могло, но все же вслед за одним вымыслом возник другой. Так я придумал, что выстрел этот производился в упор, потому что кожа, казалось, была прожжена пороховыми газами. Хотя Пух уверял, что странная пигментация лица у него от природы... Так или иначе, кто-то из его командиров проникся к нему отвращением, поэтому и сплавил в нашу спецкоманду. И, надо сказать, это Пуху не нравилось. Он искренне считал, что по сравнению с нами он просто красавчик. Так это или нет, но никто и не пытался его разубеждать.

Акут и Баян возились с крупнокалиберным пулеметом. Станковый «ДШК» – отличное оружие, но, к сожалению, в единственном для нас экземпляре. К тому же вид у него был такой, будто его вытащили из дзота, погребенного временем после боев сорок первого года. Выкопали, кое-как очистили от коррозии, смазали для вида, после чего передали нам. Пользуйтесь, и чтоб вы там заржавели вместе с ним.

– Вот тебе и коза с баяном, – хриплым басом изрек Баян, хлопнув тяжелой пятерней по коробке с патронной лентой.

Он знал толк в оружии, поэтому смог установить пулемет на кривую, давно уже вышедшую из употребления треногу. Глядя на этого парня, медлительного, но расторопного, основательного и уверенного в себе, я не сомневался, что его «ДШК» будет стрелять, как надо.

– Я работал с этой машиной, – щелкнув планкой прицела, деловито пояснил он. – Вещь. Только тяжелая очень. «Корд» в этом плане лучше. Тот же калибр – двенадцать и семь. И скорострельность выше. Я из него с рук стрелял. Пули там разрывные. Косорога на молекулы разнес!..

Баян остолбенело замер. С ним это иногда случалось. Вспомнит, как на зосов охотился, а память его тут же перенесет в последний бой, где он попал под огонь воинствующих мародеров. Подствольная граната разорвалась в нескольких сантиметрах от него. Врачи, говорят, поверить не могли, что спасли ему жизнь. Он встал на ноги, вернулся в строй, но лицо его так и осталось сплошной зарубцованной раной. Что, впрочем, никого из нас не смущало.

– Ну ты, баянутый, чего застыл, как мамонт в Арктике? – бесцеремонно ткнул его в бок Якут. – Давай снимай эту дуру, треногу ровнять надо.

Этот парень действительно был якутом по национальности. Я видел фотографию в его личном деле. Черные волосы, широкое лицо, высокие губы и узкие глаза... Нет больше черных волос, не растут они на месте обширного ожога. Глаза остались, но кожа вокруг них сожжена так, что не узкие они уже.

Баян долго смотрел на него, пытаясь понять, чего хочет от него напарник, наконец сообразил, кивнул и взялся за пулемет.

Якут хмыкнул, глядя на него. Почесал обожженный затылок, перевел взгляд на сержанта, который, как обычно, закапывал себе глаза.

– Что главное у человека? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил он. – Мошонка. Не было бы мошонки, яйца пришлось бы держать в руках. И руки всегда были бы заняты.

– Они у тебя всегда будут заняты, – не оборачиваясь, пообещал ему Шпак. – Как минимум шваброй.

Баян толкнул Якута в плечо и многозначительно похлопал себя по голове. Дескать, соображать нужно, что говоришь.

– Да пош... – огрызнулся было Якут, но, встретившись со мной взглядом, осекся.

И, закусив язык, взялся за треногу, с которой Баян уже снял пулемет.

– Не понял! – взвыл вдруг Пух. – Это что еще такое?

Он сидел над коробкой с сухим пайком, возмущенно вытаскивая из нее лапшу быстрого приготовления. Квадратные брикеты без какой-либо упаковки и к тому же явно просроченные.

– Это уже второй ящик такой! – простонал парень. – Одна лапша!

– А это нам на уши лапша, – ехидно и с горечью усмехнулся Скорняк. – Чтобы мы думали, что кому-то здесь нужны. А не нужны мы никому ни здесь, ни там.

Я глянул на него резко, но голос мой прозвучал мягко:

– Мы друг другу здесь нужны... – И уже жестко: – Чего встал? Почему печку еще не установил?

– Так я думал, сначала кровати поставить, – растерялся Скорняк.

– Брыль тоже думал. Да попадет. В суп... Когда-нибудь...

Мы взяли с собой двадцать коробок с сухим пайком, по норме довольствия этого нам должно было хватить на две недели. Но, похоже, качественный сухпай находился в первых двух-трех ящиках, а остальное – лапша. И если это так, то Брыль уже списал нас со счетов. Видимо, полковник знал, что выжить на этой брошенной заставе невозможно: слишком много вокруг зосов. Говорил мне одно, а думал другое...

Я еще мог простить полковнику, что нас бросили сюда на верную смерть. Но если это так, то я никогда не забуду, как он снарядил нашу экспедицию. Когда-нибудь я припомню ему и сломанный БТР, и кривую треногу, и эту лапшу, которой, как выяснил Пух, были забиты почти все коробки...

Глава 5

Ночная тьма навалилась на землю тяжелым ватным одеялом, но не грела, а холодила тело. Якут пытался разрезать мрак лучом слабенького прожектора, но тот едва достигал второй линии ограждения, тускло высвечивая рваную проволоку на ней.

– Может, лучше совсем потушить? – спросил стоявший за пулеметом Баян. – Только внимание привлекать. И бэтээр тарыхтит, не услышим, как зомби шуршит.

– Не услышим, – кивнул Якут.

– Выключай, – махнул рукой я.

И на всякий случай вынул из ножен свой ятаган с коротким клинком, которым я обзавелся еще будучи лейтенантом. Меч этот сваял мне алтайский кузнец, специализировавшийся на холодном рубящем оружии. В бою с монстрами нельзя целиком полагаться на карабины и автоматы. Это нам выгодно держать зосов на расстоянии, а они предпочитают ближний бой. Поэтому хорошие клинки пользовались спросом у бойцов истребительно-штурмовых подразделений, и алтайский умелец, говорят, сколотил себе на этом целое состояние. А оружие он, надо сказать, делал знатное, из булатной стали. Мне пришлось отдать за ятаган три свои офицерские зарплаты, но я нисколько о том не жалел.

Прямой и короткий меч различаются прежде всего балансировкой. У первого центр тяжести ближе к рукоятке, а другого – где-то на середине клинка. Прямой меч хорош для колющих ударов, а кривой – для рубящих. Изгиб рубящей кромки делал клинок более прочным, а высокое расположение центра тяжести значительно увеличивало его пробивную силу. Рубить можно было и прямым мечом, но для этого он должен весить около трех килограммов. А мой ятаган обладал массой вдвое меньшей, а рубил головы зосам за милую душу.

Глянув на меня, Якут обнажил свой кортик с кривым клинком, гордость британских мичманов девятнадцатого века. Баян ощупал висевший на поясе боевой топор с основным и вспомогательным, сильно заостренным лезвием.

Прожектор погас, и какое-то время мне казалось, что нас окутала совершенно непроглядная тьма. Но прошло время, и я различил в темноте сначала Баяна, затем Якута. Потом заглох двигатель бронетранспортера, и уши сдавила звенящая тишина. Ветер успокоился, не слышно, как он шелестит в траве за обваловкой, как гоняет мелкий хлам по заставе. Жутковатое ощущение. Хотя, казалось бы, в такой тишине легко можно было угадать приближение врага. Но я эту тишину воспринимал как затишье перед бурей. И чувствовал, как напряглись мои подчиненные.

– Командир, ты бы шел спать, – шепотом предложил Баян. – Мы тут сами.

Я кивнул, соглашаясь. Посты уже расставлены – двое на крыше, двое в боевых машинах, за спаренными пулеметными установками, дневальный у двери в казарме. Через полтора часа смена, я должен ее развести. И пока не пропищит будильник на часах, отсекая этот период времени, можно немного поспать.

Я четыре раза тихонько стукнул по железному люку – пусть дневальный знает, что с крыши спускается свой. Но только я взялся за ручку, чтобы открыть ее, как тишину прострелил волчий вой. Казалось бы, ничего особенного, но душа затрепетала в ожидании большей беды.

Люк я открывать не стал, вернулся к пулемету, от которого успокаивающе пахло смесью из пушечной и ружейной смазки. И пусть не видно цели, но мощь крупнокалиберного «ДШК» слегка ослабила нервное напряжение.

– Где-то у озера воеет, – поежившись, сказал Якут.

– Зверопес, – добавил Баян.

Зверопес – это зараженный волк, и вой у него такой же нездоровый. Мне приходилось слышать, как голоса эти твари. Вот где настоящая жуть. Есть в этих звуках нечто потусторон-

нее, вгоняющее сознание в мистический транс, в предсмертную депрессию. Я знал человека, который застрелился, не в состоянии вынести столь сильного воздействия на психику. А ведь это был закаленный в сражениях ветеран.

– Луны нет, а он, муть его, воет, – занервничал Якут.

– Плохо, что нет, – покачал головой Баян. – Когда на луну воют, это еще ничего. А так они в стаю собираются... Слышишь, еще одна сука завелась. Сейчас будет полный баян!

Действительно, к одному голосу присоединился второй, затем третий... И чем гуще становился хор, тем сильнее вибрировали наши нервы. Этот вой предвещал смерть, разносчиком которой зверопсы и являлись.

Сначала на крышу выбрался Титаник, за ним по-явился Малыш. Какое-то время они молчали, встревоженно всматриваясь в темноту.

– Чего это с ними? – угрюмо спросил Малыш.

– Чего, чего, ясно, чего! На психику давят! Сейчас соберутся в стаю, подойдут ближе, как завоют, мы тут все с ума сойдем, – типичной для него скороговоркой отозвался Титаник. И в привычной своей манере снизу-вверх заглянув мне в глаза, спросил: – Правда, командир?

Я пожал плечами. Может быть – означал этот жест. Невозможно оспорить тот факт, что зверопсы своим воем травмируют психику. И чем ближе они будут к нам, тем сильнее мы будем страдать.

– Я этих тварей пачками убивал! – Взбодренный моим согласием Титаник смело перешел на откровенный вздор. – Они со всех сторон нападают, а я их бах, бах. Они же тупые, прут прямо в лоб, а у меня «эргэ-шестой», шесть гранат в барабане, бах, бах! Всех на куски! Только хвосты собирать успевай...

– А зачем тебе хвосты? – перебил его Якут.

– Ну, я слышал, если такой хвост засушить и на шею повесить, то никакой вой не страшен...

– Лучше гвоздем в ухе поковыряйся, – тихо сказал Якут.

– Что? Не расслышал.

– Он говорит, что лучше всего помогает хвост недогероя, – на свой лад пояснил Баян. – Если его через мозг из одного уха в другое просунуть, зверо-псы вообще выть перестанут...

– А где такой хвост взять? – не уловив сарказма, подобострастно потянулся к нему Титаник.

– Якут, не одолжишь мне свой кортик? – ухмыльнулся Баян.

– Нет, не могу. Кортик – это моя жена, я ее в прокат не сдаю. Лучше я сам отрежу, ладно?... Титаник, скидай штаны, хвост недогероя будем добывать!

– Я с ними серьезно, а у них шутки дурацкие, – капризно скривил губы Титаник.

И в позе футболиста, ожидающего штрафного удара, попятился к люку.

Водевильная сцена слегка разрядила обстановку, но ненадолго. Вой усиливался и продолжал рвать нервы. Я пробовал затыкать уши, но бесполезно: звук, казалось, прорывался через кожные покровы, проникал в кровь, эфиром растекался по мозговым центрам, холодящими парами туманил сознание.

– Уж лучше бы напали, суки! – сжимая рукоять пулемета, зло процедил сквозь зубы Баян.

Он и хотел нажать на гашетку, но не знал, куда стрелять. А попросту расходовать патроны не позволяла его прижимистая натура.

Зато с грохотом застучал вдруг башенный пулемет. Я спрыгнул на бронетранспортер прямо с крыши, рискуя промазать в темноте. Но нет, опустился на передок, руками упершись в башню, освещенную всполохами пулеметного огня. Верхний водительский люк был открыт, и через него я попал в боевое отделение, где бесновался Гуцул.

– Тебе что, мозги выжгло?! – крикнул я, оторвав его от пулемета.

– Псы... Псы там... – показывая в сторону строевого плаца, завывал он.

Я прильнул к ночному прицелу, совмещенному с инфракрасным прожектором, осмотрел простреленное пространство, но ничего подозрительного не обнаружил.

– Мозги протри! Нет там никаких псов!..

– Я не могу... Не могу выносить этот звук, – обхватив руками голову, стонуще протянул Гуцул.

Казалось бы, броня должна была заглушить волчий вой, но нет, он проникал сюда и давил на психику не столько децибелами, сколько гипнотическим прессом.

Я не стал отправлять в казарму проштрафившегося бойца, а послал к нему на помощь Шарпа. Все равно сон уже у всех прошел, а вдвоем бояться легче, чем одному. Удвоил я и второй экипаж, послав к Чижу Скорняка. Вернулся на крышу, откуда удобнее всего было контролировать пространство как с внешней стороны поста, так и с внутренней.

Вой все усиливался. Прожектором, штурмовыми фонарями мы, как могли, высвечивали территорию вокруг нашего поста на крыше, подступы к бронированным машинам, однако признаков вражеской активности не замечали. Но все равно мне казалось, что зверопсы где-то рядом, я чувствовал, что вот-вот они пойдут в атаку.

Вой прекратился внезапно, в третьем часу ночи. Никогда я, казалось, еще не слышал столь приятной тишины, как сейчас. Я устало сел на мягкую точку опоры, спиной и затылком прислонившись к песочной стене пулеметного гнезда. Ветер колыхнул тесемку, которой был связан мешок, она приятно щекотнула мне щеку, будто подтверждая мысль, что жизнь возвращается...

Наступившая умиротворенность потянула меня в сон, и я уже засыпал, когда мое сознание пронзила страшная догадка.

Волчий вой держал нас в напряжении, все это время мы были начеку, чтобы враг не смог застать нас врасплох. Этот ночной кошмар вытянул из нас все силы. Но вот мы расслабились, утратили бдительность, именно этого зверопсы и ждали. Они опустили свои трубы, чтобы броситься в атаку...

Однажды, в далеком детстве, я чуть не отравился угарным газом. Сидел на кухне, рядом горели конфорки газовой плиты. Спокойно вдруг стало тогда на душе, уютно и тепло. Тихонько подкрался сон, мягко прикрыл мои глаза. Я уже почти заснул, когда вдруг осознал, что происходит. Порывисто вскочил, выбежал на улицу, вдохнул чистого воздуха. Тогда я и понял, что это такое, метаться как угорелый.

И сейчас, осознав грозящую нам опасность, я вскочил на ноги. Мне казалось, что зверопсы уже в расположении заставы, но скоро выяснилось, что это издевалось надо мной мое воспаленное воображение.

Рассвет наступал долго. И небо темное – солнечные лучи с трудом пробивались через пасмурную завесь. И петухи не голосили – некому было поторопить солнце. Тяжелый рассвет, неуверенный, и мне даже стало казаться, что тьма над заставой не расступится никогда. Солнце взойдет, но Аномалье удержит мрак над нами...

И все-таки темнота ушла, оставив после себя туман, легкой дымкой нависший над озером. И тучи вдруг расступились, выкатив солнце на прямую наводку. Озарились леса, поля, прояснилось и мое сознание. Исчезли страхи, но сама опасность не отступила. Она продолжала держать меня в напряжении...

Глава 6

Утром прошел легкий дождь, а к полудню разыгралось солнце. И меня совсем не удивляло марево, поднимающееся от асфальтированной дороги. Только вот поднималось оно как-то странно: потоки волнистые и даже спиралевидные.

– Гравиталка, муть ее! Гравиталка! – убеждал меня высунувшийся из верхнего люка Гуцул.

Он чувствовал аномалию, поэтому и остановил машину, едва ли сомневаясь в том, что поступил правильно.

На свой детектор я особо не надеялся, поэтому бросил на подозрительный участок дороги гайку. И тут же пожалел об этом. Железка остановилась, едва не достигнув земли, а затем, подхваченная вращающей силой, устремилась в центр гравитационной аномалии, откуда спустя секунды вылетела пулей, просвистев над моим ухом.

– Я же говорил, гравиталка! – нервно улыбнулся Гуцул.

– И, возможно, противотанковая.

Я бы не стал соваться в эту дыру на танке и уж тем более на бронетранспортере.

– Придется объезжать, – решил я.

– Ты в этом уверен, командир? – спросил Скорняк и движением руки показал вправо.

У обочины дороги, рядом с аномальной зоной, на длинном отрезке, уходящем в поле, колосился бурьян. Везде трава спокойная, а на этой полосе будто взбесилась. И в букварь смотреть не надо, и так ясно, что без аномалии здесь не обошлось.

Я глянул влево и оторопел. Из подлеска, через орешник, по пояс в сухой траве, к нам продирались зомби. Причем трое из них уже стояли на обочине, покачиваясь, будто на ветру. А ведь только что здесь никого не было.

– Твою муть! – выругался Гуцул.

Сначала его голова скрылась в люке, а затем в сторону зосов повернулась башенная установка. К этому времени к трем зомби добавились еще четверо. Все они выстроились на одной линии, не решаясь приблизиться к нам.

– погоди, не стреляй!

Глянув на Скорняка, кивком головы я показал ему на командирский люк. Сам же занял место механика-водителя, которое только что освободил Гуцул.

У зомби не было оружия – ни пистолетов, ни автоматов, не говоря уже о гранатомете, которым они могли уничтожить нас вместе с бронированной машиной. Но меня пугали гравитационные аномалии, которые могли сами приблизиться к нам, проверить нас на прочность. Поэтому я сел за руль и сдал назад.

Зомби так и стояли у обочины, даже не пытаясь преследовать нас. А мы, в свою очередь, в них не стреляли, хотя и держали на прицеле.

– Командир, а если нам и сзади кислород перекрыли? – спросил вдруг Скорняк.

И это заставило меня ударить по тормозам, а затем высунуться из люка. Но ничего подозрительного позади машины я не обнаружил. Дорога, ведущая к контрольно-пропускному посту, похоже, была свободна от аномалий, да и зосов тоже я не увидел.

– Это все не просто так, – сказал я, вернувшись на место. – Нас отсюда не выпускают.

За дробь-пятой линией границы нас уже ожидал грузовик. Пулеметы там – «Корды», «Печенег», автоматы и карабины с универсальными прицелами. Гранаты, приборы ночного видения, детекторы, прожекторы, кровати, продукты, даже недостающее оборудование для котельной и насос для скважины. В общем, все, что необходимо для нормальной жизни, плюс передвижной дизель-генератор. Во всяком случае, начальник тыла заверил меня, что все это уже готово и нам нужно только забрать груз.

Не стал я шадить Брыля. Связался с ним, доложил обстановку, попенял ему за то, как нас вооружили, и напоследок пообещал сообщить об этом безобразии командующему. И сразу же все нашлось...

Но как нам забрать наши богатства? Дорога перекрыта, и, судя по всему, аномалию не объехать. И зомби неспроста появились. Кто-то их сюда направил... Кто? Где находятся эти существа, которые не хотят выпустить нас из своих объятий?

Я развернул машину, и мы покатались обратно к блокпосту, на ближних подступах к которому шли работы. Малыш и Титаник тянули проволоку, чтобы закрыть брешь в системе ограждения. Сержант Шпак не просто руководил, он помогал им. Слишком уж мало людей в нашем гарнизоне, каждая пара рабочих рук на счету.

Хотя, если честно, работник из Шпака сейчас никакой. Пыль от травы забивала глаза, и ему приходилось закапывать их по два-три раза в минуту.

Всего три ночи мы провели здесь, а сделали уже немало. И порядок на заставе навели, и с проволочным заграждением заканчиваем. И даже с картой минных полей разобрались. Как и я предполагал, земляной вал был напичкан хитроумными минами. Чтобы выяснить это, мне пришлось битых три часа сидеть на телефоне, разыскивая бывшего начальника нашего блокпоста.

Нам по-прежнему остро не хватало прожекторов и электричества, но в подвале котельной мы нашли несколько бочек с мазутом, а в автопарке обнаружили емкости с керосином. Смесь из таких компонентов когда-то заливали в зажигательные противотанковые бутылки, а также в баки первобытных огнеметов. Пух заправил ими факелы из жестяных банок, которые мы разместили на крышах всех сооружений блокпоста. И каждую ночь у нас было светло. Может, поэтому вой зверопсов уже не так действовал на нервы. А возможно, мы просто стали привыкать к нему. Тем более что последние две ночи он был не таким интенсивным, как в первую.

Но прежнюю схему ночной охраны мы пока не отменяли. Два бронетранспортера у крыльца во второй блок казармы, три пулемета на крыше – один «ДШК» и два «ПК» из нашего арсенала. Плюс десяток противотанковых «Мух» из того запаса, что мы смогли захватить с собой на блокпост. Больше наращивать огневую мощь было нечем, и это мне совсем не нравилось.

Мы часто видели зомби, шатающихся в нашем поле зрения, и хотя агрессии они не проявляли, сам факт их существования очень беспокоил меня. Зверопсы также не пытались атаковать нас, но уже достали своим воем. Это ли не воинственный настрой?..

– Джером, почему возвращаешься? – из радиоэфира донесся голос моего сержанта.

Шпак видел нас, махал рукой – вроде бы приветливо, но вместе с тем настороженно. Я бы и сам на его месте встревожился.

А Джеромом он назвал меня. Это мое имя, сложносокращенное производное от Евгений Романович. *Джек* и *Роман*, а все вместе – *Джером*. Но чаще всего подчиненные называли меня просто командиром.

– Возвращаюсь, – невесело проронил я.

Но по какой причине мы легли на обратный курс, объяснять не стал. Мне почему-то казалось, что нас в эфире могут прослушивать существа, порожденные метеоритом.

Их называли злоформерами. Именно их девять лет назад видели алтайские охотники перед тем, как стать жертвами зверопсов. Эти гуманоиды формировали зло, которое, словно ударная волна от эпицентра взрыва, надвигалось на людей, на их селения, заражая внеземным вирусом все живое. Большеголовые, желеобразные, пупырчатые, зеленые... Об этих существах слагались легенды, но вживую увидеть их можно было только случайно. И только издалека. По душу злоформеров снаряжались военизированные экспедиции, но ни одна из них не вернулась с какой-либо вразумительной информацией об этих гуманоидах. А многие поисковые партии не возвратились вообще...

Злоформеры не просто порождали зло, они разносили его по миру, расширяя зону Аномалья. Эти существа обладали телепатической силой и могли держать нас под своим контролем. Но зачем им это, если они просто могли уничтожить нас?

Я велел Шпаку и его помощникам выйти на дорогу. Перед глазами стоял колосющийся в аномалии бурьян, и я боялся, что гравиталка может возникнуть и в поле, где работали мои бойцы. На дороге все-таки безопасней, там аномалию легче разглядеть. Наверное.

– Еще много? – спросил я у сержанта, кивком головы показав на прореху в ограждении.

– На этом участке через пару часов закончим. А вернулись чего? – спросил Шпак, подняв голову, чтобы закапать глаза.

Я кратко объяснил ему, что произошло на дороге:

– Не выпускают нас.

– Почему? – разволновался сержант.

– У Аномалья спросить надо.

– Спросить? Я бы спросил. Только как? Где у него уши? – Шпак угрожающе стукнул кулаком по цевью автомата.

– Там же, где оно само...

– И где зосы, – кивнул сержант. – Надо бы зачистку организовать. Популяцию зомби чуточку сократить. Хотя бы для успокоения души... А может, и на злоформеров наткнемся...

– Ты тоже о них думаешь? – понизив голос, спросил я.

– Ну а о ком еще? Нутром чую, рядом они где-то... Как бы не в Мокрянке... Там искать их надо... Только надо ли? Сам знаешь, живыми от них никто еще не уходил...

Мокрянкой назывался поселок на берегу озера. Мне и самому он казался подозрительным, и бывший командир заставы сказал мне про него несколько слов.

Жители покинули поселок два с половиной года назад. Причем Мокрянка не была включена в план эвакуации, потому что новая на тот момент граница Зоны должна была пройти перед ней, а точнее, перед речкой, которая впадала в озеро.

Поселок был атакован по классической схеме и внезапно. На жителей южной окраины напала стая зверопсов, заразив и обратив их в зосов – кто-то стал зомби, кто-то кенгом, а самые сильные на генном уровне особи переродились в косорогов. Не затронутые зверопсами люди в панике покинули поселок, забрав с собой лишь самое ценное.

В Мокрянке было чем поживиться, именно поэтому туда и устремились мародеры. Но живыми оттуда сумели уйти немногие: слишком уж мощной оказалась там аномальная активность. И не зря Шпак чувствовал, что именно этот поселок облюбовали гуманоидные монстры.

– Если бы злоформеры были близко, нас бы уже давно сожрали с потрохами, – покачал я головой.

– Да, но Брыль для того нас и отправил сюда, чтобы нас сожрали. Но мы живы до сих пор, – сказал Шпак. – А почему? Что, если злоформерам от нас что-то нужно?

– Тебе надо успокоиться, сержант. Понимаю, зверопсы тебя достали, но ты должен держать себя в руках. Хочешь, я освобожу тебя на ночь от службы? Сделаешь себе укол, чтобы спать мертвым сном...

– Не надо ничего, – обиженно надул щеки Шпак. – Я с тобой серьезно, командир, а ты меня не понимаешь...

– Если честно, я боюсь тебя понимать... Боюсь, что злоформеры рядом...

За полтора года, что просуществовала новая граница Зоны, в Мокрянку несколько раз наведывался армейский спецназ, зачищался и лес вокруг озера. Если верить бывшему начальнику нашего блокпоста, то в их сети попадались и зверопсы, и косороги, а счет зомби шел на сотни. Но закон гидры в этих местах работал безупречно: на месте одной отрубленной головы появлялись две. Что, если притаившийся где-то в окрестностях поселка злоформер притягивал к себе людей, обращая их в зосов?..

Случались и нападения на блокпост. Зомби рвали «колючку», тралили своими телами минные поля, а кенги и косороги на их плечах пытались пробиться к заставе. Но крупнокалиберные пулеметы не оставляли им никаких шансов. Блокпост оказался зосам не по зубам. Зато им удалось уничтожить целую группу бойцов, патрулировавших внешний периметр. Как там все было, в подробностях я не знаю, но факт оставался фактом: аномальная активность в этих местах была через край. И я, если честно, не понимал, почему нас до сих пор не трогают. Ну, почти...

Полковник Брыль заливался соловьем, пытаясь убедить меня, что в этом «багдаде» все спокойно. Но при этом он бы и цента не поставил на нас из-за своей уверенности, что больше суток мы не продержимся. Потому и снарядили нашу группу из вон рук плохо.

Но мы здесь уже четвертый день. И пока все еще живы. Но, увы, не все так безоблачно, как хотелось бы. И зверопсы своим воем досаждают, и дорогу к внешнему миру нам перекрыли. Мы-то, конечно, попытаемся наладить мост с Большой землей, но что из этого выйдет, вот в чем вопрос...

– А в поселок надо бы съездить, – решил я. – Если его покидали в спешке, то там осталось немало ценного...

Я много раз рассматривал поселок в бинокль и, кроме пьяно шатающихся зомби, видел магазины, деревообрабатывающий завод с огромным и ржавым бункером-накопителем, автокомбинат, за забором которого угадывались брошенные машины, водонапорная башня с прожектором на крыше, другие мелкие предприятия, где можно было разжиться недостающей нам техникой...

Глава 7

Солнце стояло высоко, на небе ни облачка. Придорожные деревья встречают нас мертвой тишиной, не шелестят – ни приветливо, ни угрожающе. Ни малейшего ветерка. Откуда же тогда появилось это пылевое завихрение?

Оно, казалось, возникло из ниоткуда, но за секунды набрало силу смерча. Вихрь темнел и расширялся прямо на глазах, но самое страшное – он двигался в нашу сторону, втягивая в себя лежащие на дороге камни, палки, листья. Сейчас он проскочит перекресток, и мы испытаем на себе его ураганную мощь.

Я пожалел, что позволил группе опередить бронетранспортер, который, пожалуй, мог бы устоять перед этой стихией. Схватиться бы за него, чтобы не взлететь на воздух... Но если это аномальный смерч, то БТР может и не оправдать надежд. Так думал я, бегом устремившись к электрическому столбу с косою опорой. Глубоко врытый в землю, он может спасти меня и всех, кто бежал к нему вместе со мной. Но до него еще далеко, а мощный вихрь уже на перекрестке и... сворачивает вправо.

Я с облегчением вздохнул, глядя, как закачалась яблоня, задетая завихрением. Желтые, густо покрытые коростой плоды с дробным стуком посыпались в траву.

Яблоня высокая, раскидистая, плодов много, но только на том уровне, куда не могла дотянуться рука человека. Уж не для того ли промчался вихрь, чтобы сбить яблоки с верхних ветвей? Для зомби...

И словно в подтверждение моих мыслей со двора дома, рядом с которым росла яблонька, пошатываясь, волочащейся походкой вышло полумертвое существо в длинной до колен окровавленной рубашке. Мутные стеклянные шары в глубоких глазницах, гниющий оскал...

Мы как раз проходили мимо этого дома, продвигаясь к автокомбинату, за нами тихонько полз бронетранспортер, башня которого с характерным жужжанием повернулась в сторону зоса. Пулеметчик взял его в прицел, но тому совершенно все равно. Зомби действительно интересовали только упавшие яблоки. Он очень хотел жрать.

«Зомби-вегетарианец» – это звучит примерно так же нелепо, как «барабан Страдивари». Но это безмозглое существо все же сообразило, что мы не станем угощать его собой, не сможет оно сожрать нас на ужин. Мутант не обращал на нас внимания, но и не боялся. Как будто знал, что мы не убиваем таких, как он.

А ведь это действительно так. За все время, что мы здесь, ни один зос не пострадал от наших пуль... Может, потому и они не нападали на нас? Хотелось бы в это верить. Но вряд ли дела обстоят именно так. Эти жалкие существа живут на инстинктах, им все время хочется есть, и стань кто-нибудь из нас посильной для них целью, они тут же покажут зубы... А судя по тому, как в свое время они атаковали блокпост, их не смутит и неравный бой. Если, конечно, властвующий над ними разум даст команду «фас!».

Но пока этот разум лишь пугал нас аномалиями, управлял которыми он просто виртуозно. Когда-нибудь неведомый злоформер даст волю своей разрушительной силе, вот тогда мы и узнаем, насколько он опасен. Я очень хотел надеяться, что это случится не сегодня. Хотел, но не надеялся, потому что мы уже глубоко зашли в Мокрянку, чего, возможно, делать нам никак не следовало...

Мы далеко ушли от перекрестка, когда меня вызвал по рации Шпак, управлявший башенной установкой:

– Командир, глянь назад.

На оставшемся позади перекрестке я насчитал четырех зомби, но к ним с улиц шли еще несколько таких же уродцев. Однако ходячих мертвецов, кажется, привлекали только упавшие яблоки, поэтому я и успокоился – насколько это было возможно.

Ворота на территорию автокомбината были распахнуты настежь... Тяжелые ворота, чугунные, скупщики черного лома заплатили бы за них большие деньги. Но нет, они оставались на месте, потому что мародерам здесь, видимо, не позволили развернуться. Мы тоже пришли, чтобы разжиться здесь добром, но сможем ли мы уйти отсюда с миром?

Успокаивало меня осознание нашей силы. В аномальной Мокрянке армейский спецназ действовал вполне успешно, потому что его составляли опытные бойцы, хорошо вооруженные и оснащенные. Снаряжены мы не очень, зато все ветераны, собаку съевшие на мутантах. Или зверособаку?..

Малыша, Титаника и Пуха я оставил на заставе, хотя и не был уверен, что там безопасней...

А спецназ действительно здесь побывал. Стены проходной истерзаны крупнокалиберными пулями, на побелке пятна крови, дверь со стороны улицы разнесена в щепки. Но, видно, бронемашина отработала цель с дороги, внутрь комбината она не заезжала, и первый попавшийся нам на пути автомобиль не пострадал от ее огня.

Старый грузовой «ЗИЛ» был просто сломан. Внешних повреждений он вроде бы не имел, разве что колеса приспущены – но это от времени. Машина стояла в проезде, ведущем к проходной... На какой-то миг у меня перед глазами всплыло видение. Тревога, шум, гвалт, срочная эвакуация, водители мечутся по автопарку, заводят свои машины, диспетчеры раздают им задания – куда ехать, кого забрать. Водитель «ЗИЛа» выехал из общего ряда, но безнадежно заглох. А зверопсы уже где-то близко – некогда устранять поломку...

Неисправный «ЗИЛ» нас интересовал мало. Куда больше я обрадовался «КамАЗу», так и не покинувшему свое место под навесом. Капот откинут, все, что под ним, на месте. Не знаю, что за проблема там, но сам двигатель нас очень интересовал. Если это, конечно, тот самый вариант, что установлен на бронетранспортере. Мотор нужно менять, работа очень сложная, трудоемкая, поэтому понадобятся инструменты, которые я надеялся обнаружить в ремонтном цеху.

К брошенному «КамАЗу» направился БТР, Шпак за пулеметом, Скорняк на броне, автомат у него на взводе, ушки на макушке, головой во все стороны вертит. Сейчас Гуцул осмотрит двигатель, а если ему что-то не понравится, так вдалеке, возле заправки стоял грузовик той же марки.

Не меньше и даже больше, чем двигатель, меня интересовала заправка. Будка, обитая порванной в нескольких местах жстью, две колонки без навеса, три ржавые наземные цистерны, на одной из которых с трудом читалось: «Дизель». Именно это топливо требовалось нам больше всего. Наш запас горючего был уже на исходе, и я очень рассчитывал, что емкости эти не пусты.

К заправке вела железобетонная дорога; плиты просели от времени, и неровности заполнены водой, настоящей на опавших листьях кленов, растущих вдоль забора. На красных листьях, отчего вода имела кровавый оттенок. И тишина мне совсем не нравилась, давящая, гнетущая, но не способная заглушить звук скрипящей на ветру двери. Рядом работал мотор бронетранспортера, но я почему-то слышал только этот скрип. Мне вдруг стало казаться, что этот звук издает открывшаяся по нашу душу дверь из потустороннего мира. И эта мысль возникла не сама по себе, казалось, ее мне кто-то внушил.

Я не робкого десятка, но мне стало не по себе. Может, потому я решил не спешить. Сначала дождался, когда Гуцул, обследовав «КамАЗ», сел за руль и смог вести бронемашину вслед за нашей группой. Я не распылял усилия, поэтому к заправке мы подошли в полном составе. Баян осмотрел будку, вышел оттуда с мерной линейкой, Якут приставил к цистерне валявшуюся на земле железную лестницу и сам забрался наверх. Со скрежетом открыл крышку, сделал замер:

– Живем! Соляры минимум тонна.

Мне бы порадоваться, но мешала усилившаяся в душе тревога. Может быть, плохо, когда все хорошо. Казалось, эта мысль тоже пришла откуда-то извне.

– Командир, там вроде бы генератор, – сказал Шарп, рукой показав на крайний, открытый бокс гаража, тянущегося вдоль противоположного от нас забора.

И действительно, в сумраке виднелся силуэт маленького четырехколесного вагончика, который на поверку оказался передвижным генератором электрического тока. Старая система, громкая, с низким коэффициентом полезного действия, но достаточно мощная, чтобы снабдить питанием наш блокпост. Гуцул поколдовал с двигателем, нажал на красную кнопку старта, и машина с треском и копотью нехотя завелась. Стрелка амперметра медленно поползла вверх...

Еще одна удачная находка, но мои нервы напряглись еще больше. «Все хорошее скоро закончится», – внушенно подумал я.

Но это не удержало меня от соблазна снять два прожектора с крыши административного корпуса. В самом здании все было перевернуто вверх дном: видно, зомби буйствовали здесь в поисках съестного. Зато в кабинете директора мы обнаружили отличную мебель, которую неплохо было забрать с собой. Но я распорядился оприходовать только стулья, в нагрузку к прожекторам.

Затем нам повезло с пустыми канистрами, что попадались чуть ли не на каждом шагу. Всего мы собрали семнадцать штук, наполнили соляркой, загрузили в десантные отсеки, куда уже уложили прожекторы. Топливные баки мы также заправили под завязку. А генератор взяли на прицеп...

Оставалось искушение снять с «КамАЗа» двигатель, который, как выяснилось, подходил нам по всем статьям, но сигнал тревоги красным светом пульсировал в моем подсознании. Мне казалось, что еще чуть-чуть, и все добытые нами богатства превратятся в одну большую тыкву, кишашую червями. И еще на эту приманку набегут зверопсы... В общем, нервы у меня не выдержали, и я дал команду свернуть удочки.

Я торопился, как будто что-то меня подстегивало. Поэтому пренебрег пешим дозором и разместил бойцов на броне. И еще, на всякий случай, распорядился открыть все верхние люки, чтобы не тратить время на возню с ними. Если вдруг нас атакуют зверопсы, отбиваться от них лучше под прикрытием брони, укрывшись в машине. Загруженные внутрь канистры станут для нас помехой, но лучше уж потесниться, чем быть сбитым с крыши БТРа запрыгнувшим на нее псом или кенгом. Да и зомби, подобравшись к бронемашине вплотную, могли стащить нас за ноги. А из десантных отсеков нас так просто не выковырять.

Но пока ничего не происходит, ехать будем на броне. Вдруг на гравиталку наткнемся, так хоть спрыгнуть на землю успеем, чтобы всех в одну карусель не закрутило...

Нервы мои были так напряжены, что я бы не удивился, перекрой зверопсы выезд с территории автокомбината. Но этот путь был свободен. Зато на том перекрестке, где осыпались яблоки, кружился пылевой вихрь; казалось, он поджидал нас.

– Похоже, что нас опять не выпускают, – озлобленно произнес сидевший рядом Скорняк.

– Ну, нет, здесь мы не останемся, – мотнул я головой, чувствуя, как холодеет спина от дурного предчувствия.

– Может, нам генератор не хотят отдавать? – предположил Чиж.

– Кто не хочет?

– Ну, злоформеры...

– Ты их чувствуешь? – всполошился Скорняк.

– А ты?

– Есть немного... Мы здесь как будто под колпаком. Осталось только кому-то на этот колпак наступить. Квак-с, и все наши кишки наружу!

Мне совсем не нравилось настроение Скорняка. Но еще больше меня злило то, что оно совпадало с моим. И мне даже хотелось отказаться от добычи, чтобы самим не стать жертвой тяготеющей над нами силы. Но все же я переборол свою слабость и велел Гуцулу ехать к улице, параллельной с той, по которой мы забрались сюда.

Но оказалось, что и этот путь перекрыт поджидающим нас аномальным смерчем. Это меня еще больше разозлило, и от пораженческих настроений осталась только зыбкая, слегка искрящаяся дымка. Я дал команду продолжить путь, и в конце концов мы очутились на улице, свободной для проезда – во всяком случае, так могло показаться на первый взгляд. Я сверился с картой поселка и выяснил, что эта улица тянется вдоль озера и заканчивается поворотом, который мог вывести нас на основную дорогу.

Глава 8

Мы продвигались медленно и осторожно, чтобы не въехать в аномальную зону. Вдоль улицы тянулись пятиэтажные дома, сложенные из серых в крапинку панелей. Стекла в окнах почти все целые, мусора на клумбах и газонах много, но это не беда. Куда больше меня смущали деревья – почти все мертвые, сухие, со скрюченными ветвями. Среди тополей и кленов попадались и сосны, на них вообще страшно было смотреть – выкрученные, с голыми кронами, а на земле – опавшая хвоя буро-красного цвета.

Линия пятиэтажек закончилась, начался рынок, огороженный прозрачным сварным забором. Открытый торговый ряд с пулевыми отверстиями в дощатых фасадах, сгоревшие павильоны, ларьки, перевернутый взрывом автомобиль, на асфальте – кирпичи, ящики, трубы... Вне всякого сомнения, когда-то здесь шел бой. И нетрудно догадаться, что его вызвало. Даже сейчас, когда на рынке не осталось ничего съестного, между уцелевшими и разгромленными рядами бродили зомби в тщетной надежде хоть чем-нибудь поживиться. За все время, что территория рынка находилась в зоне видимости, я насчитал восемь полуживых зосов. Возможно, мясные павильоны еще сохранили свой запах.

За рынком, вдоль прибрежной линии потянулся продуктовый магазин с выбитыми витринными стеклами. С провизией у нас было туго, осталась только постная и невкусная лапша, но, разумеется, соваться в магазин смысла нет. Наверняка там уже побывали зомби. Они хоть и тупые существа, но вскрыть банку с консервами могут вполне. Так что в кладовых ловить нам нечего.

Сразу за продуктовым я увидел магазин с вывеской «Хозтовары». Вывеска чуть поменьше приглашала в кафе «Пещера». Судя по названию, это заведение располагалось в подвале здания.

– Командир, может, заглянем? – высунув голову из люка, спросил Гуцул.

Машину он не остановил, но ход сбросил.

– Рано еще, осетрину завезли только что, на прилавок выложат через час, – усмехнулся Скорняк.

– Какая осетрина? Ты что, не русский? – постучал себе по лбу Якут. – Читать не умеешь? Ясно же написано, кафе «Пещера». Если пещера, значит, там летучих мышей подают, на углях...

– Да заткнитесь вы, балаболы! – остановив бронетранспортер, гаркнул на них Гуцул. – Меня хозтовары интересуют, ясно?

Я молча кивнул, соглашаясь с ним. В кафе мы точно ничего не найдем, а хозяйственные товары мутантов не интересуют. И нам здорово повезет, если там сохранилась хоть часть ассортимента. Слесарный инструмент нам нужен, плотницкий, провода, лампочки, фонари... Да все нужно, и чем больше, тем лучше.

Искушение было столь велико, что я не смог устоять. Посадил за руль Чижа, а сам вместе с Гуцулом отправился в магазин.

Зомби так и остались на рынке, не потянувшись за нами, и в окрестностях магазина никого из их братии не наблюдалось. И аномалии вроде бы не преграждают нам путь. Но меня смущали витринные окна хозмага, не стеклянные, а из листового железа. И тяжелая чугунная дверь закрыта. Не хотелось бы поднимать шум, чтобы взломать магазин.

Но дверь не была заперта на замок и поддавалась моим усилиям.

Свет в магазин поступал через небольшое, подпотолочное окно в торце здания, и открывая дверь слегка усилила освещение. Но все равно здесь было сумрачно. Длинный прилавок, полки за ним, заполненные товаром, плюс витринные стеллажи в глубине зала, и там, похоже, изобилие. Я смог разглядеть даже стоящую под окном технику – мотоблоки, газонокосилки,

генераторы... Не было разрухи в магазине, как будто и не забредали сюда зомби. Да и спецназовцам, похоже, не довелось здесь похозяйничать.

Я остановил свое внимание на витрине с выставленными на ней погружными электронасосами. На заставе имелась глубокая скважина, но воду оттуда достать было нечем. Хозяйственный старшина даже насос оттуда вынул, с собой увез. Но, похоже, проблема решилась сама собой. Наверняка в этом магазине найдутся пластиковые трубы и паяльник, с помощью которого их можно будет соединить. На них опустим в скважину насос, по ним пустим воду. Электричество нам обеспечит генератор, солярка есть...

Я взял в руки выставленный на витрине насос, покрутил его в руках. Солидная штука, с корпусом из нержавеющей стали, такой на любую глубину опустить можно.

– Хороший выбор, – услышал я вдруг за спиной хриловатый мужской голос.

И тут же с другой витрины что-то посыпалось, это Гуцул зацепил ее, развернув на звук ствол автомата.

Я тоже вывел оружие на цель, на человека, стоявшего за прилавком. Незнакомца закрывала касса, из-за которой выглядывала только верхняя часть его головы.

– Хороший выбор, говорю, – ничуть не пугливо повторил мужчина, сдвинувшись немного в сторону. – Насос отличный. Стоит, правда, дорого. Но сейчас у нас период скидок... Затянувшийся, так сказать, период. Так что не зевай, пользуйся, пока я не жадный...

Глаза привыкли к сумраку, и я мог разглядеть его. Узкие плечи, впалая грудь, но голова большая, лицо широкое и скулы шишковатые, как будто наросты на них какие-то. Глазницы маленькие, но глаза, напротив, большие, выступающие за надбровья. Лоб изрыт глубокими морщинами, верх головы плоский, волосы короткие, жесткие и курчавые, будто у негра. Но кожа белая. Я бы даже сказал, неестественно бледная, мне показалось, что она фосфоресцирует в темноте. Нос крупный, чуть ли не в половину лица, его приплюснутый кончик сплошь оброс бородавками, которые закрывали надгубную бороздку. Большие пупырчатые губы кривила по-стариковски брызгливая линия.

– Ну, чего смотришь? – скрипучим голосом спросил торговец. – Две тысячи с тебя.

Еще три года назад я видел в магазине примерно такой же насос, и стоил он что-то около пятнадцати тысяч рублей. Не скажу, что цена сильно поднялась за это время, но уж точно не упала. И две тысячи, что спрашивал с меня этот странный старик, казались мне сущим пустяком. Но ведь я рассчитывал получить его даром.

– Слушай, а ты вообще кто такой? – заинтригованно спросил я.

– Человек, не видишь, что ли?

– Живой?

– В том-то и дело, что живой. Поэтому, прошу тебя, убери свою пушку. Ты меня нервируешь, а я этого, знаешь ли, не люблю... Или ты хочешь отобрать у меня насос?

– Ну а ты сам как думаешь?

– Ну и забирай, если ты такой жадный, – расстроено махнул рукой торговец.

«Я не жадный, – пронеслось у меня в голове. – И я не хочу быть жадным. А деньги у меня есть...»

– Да нет, я заплачу.

За два года, что я провел в госпитале, у меня накопилось целое состояние. Правда, наличности у меня с собой не очень много. Что-то около тридцати тысяч. Кто ж знал, что здесь, в глубине Зоны, мне могут понадобиться деньги.

– Вот это правильно, – поощрительно кивнул старик. – Вот это по-людски... Есть хочешь?

– Не понял.

– Что ж тут непонятного? – ехидно хмыкнул торговец. – Есть хотят все, даже зомби, будь они неладны... И ты есть хочешь, и дружок твой голодный. А у меня бар, борщ есть, жаркое в горшочках...

– Скажи, ты мне снишься? – тряхнув головой, спросил я. – А может, я уже умер?

– Ты что, дикий? – как на неразумное дитя, глянул на меня старик. – Смотришь на меня как на галлюцинацию. Не надо на меня так смотреть, а то я сам поверю, что меня не существует. А я существую. Живу и торгую.

– Хорошее дело, – кивнул я.

– Как говорил один мой знакомый, добрые дела не делаются бескорыстно. Потому что в таком случае это уже не доброе дело, а благотворительность. А благотворительность – это, извините, тупик. Ведь если я начну бескорыстно помогать другим, что тогда будут делать те, другие? Также бескорыстно станут помогать третьим. Третьи – четвертым, миллион четвертые – миллион пятым. Не правда ли, очень сложная схема? Не проще ли будет, если каждый решит помогать себе сам? Тогда и схемы никакие не нужны...

– Схемы... Ты сам по какой схеме здесь живешь? Магазин у тебя свой, бар, а вокруг – зверопсы, зосы.

– Да, дерьма в этих краях много. И косороги здесь водятся, и кенги, а сколько зверопсов...

– А злоформеры?

– Тсс! – Старик всполошенно приложил палец к губам. – Об этом ни слова. Не буди лихо... Так что, разогревать мне борщ или нет?

– Разогревать?

– А ты думал, он у меня свежий? Вчера кастрюлю сварил, на целую неделю. Борщ – это такое дело, с каждым днем все вкусней... Сметану, правда, из порошка делаем. И мясо тушеное, из банок. Зомби всех коров сожрали. Они ребята спокойные, но прожорливые... Ну, так что мне с борщом делать?

– Нас много.

– Знаю. Стоит ваша машина, небо коптит, тархтит, на нервы действует. Ты бы ее заглушил, командир!

Об этом старик попросил так, будто я уже принял его приглашение. А почему бы и нет?

Глава 9

Стены из лакированного тростника, потолок из бамбука, пол пробковый, барная стойка из березы... Дерево, везде сухое дерево, ни капли конденсата на стенах и столах, но все же мне показалось, что все здесь пропитано сыростью. Освещение в зале слабое, зыбкое, и в воздухе словно колыхается туманная взвесь. Но при этом я не ощущал дискомфорта. Меня не бросало в жар и не холодило, как это бывает при повышенной влажности. Тепло в сумрачном зале и даже уютно, а еще клонит в дрему. Нет, не спать хочется, а просто расслабиться, развалившись в удобном плетеном кресле, на сытый желудок плавно качнуться на мягкой волне тишины и спокойствия.

Крис, так звали старика-бармена, не обманул. Борщ был хоть и не первой свежести, но вполне съедобный. И это при том, что варили его на тушенке и квашеной капусте. Хлеб теплый, собственной выпечки. Сержант Шпак доволен был не меньше моего. Он сидел в кресле и, остатками век прикрыв глаза, умиротворенно поглаживал живот. Я заметил, что своими каплями здесь он пользуется редко: возможно, микроклимат бара как нельзя лучше подходил его глазам, не иссушал их слизистую оболочку. Скорняка, Гуцула и Чиж также слегка разморило после горячего, а ведь обед не закончился: еще не подали второе. Но им уже хватит прохладиться. Я щелкнул пальцами и движением головы показал на выход. Второе им принесут на броню, где сейчас несли вахту Шарп, Баян и Якут.

Удивительное дело, где-то неподалеку бродили голодные зомби, но здесь, в сумеречной тишине бара, опасения и тревоги не беспокоили меня. Как будто и не было дурного предчувствия и нервного напряжения, в котором я покидал территорию автокомбината.

Скорняк, Гуцул и Чиж ушли, а я даже не поднялся, чтобы их проводить, проследить, как доберутся они до бронетранспортера, как произведут смену. И Шарпа я за ними не послал. Во-первых, я точно знал, что с бойцами ничего страшного не произойдет. А во-вторых, не хотелось тревожить сержанта. Я понимал, насколько это нудно ежеминутно закапывать глаза, а здесь можно было отдохнуть от утомительной рутины.

К нам подсел Крис. На плече у него висело длинное полотенце, краешком которого он протирали пивной бокал.

– У Марицы все уже почти готово, – сказал он. – Сейчас будет второе.

– У Марицы?! – заинтригованно повел я бровью.

– Чего взбудоражился, командир? – с шельмовской ухмылкой глянул на меня Крис. – Баб давно не видел?

– Да нет, видел, – не без смущения ответил я.

Увы, но в моем нынешнем обличье женщины меня не жаловали. И я еще в госпитале начал к этому привыкать. Так что нечего раскрывать роток на Марицу. Не приглянусь я ей, и это как минимум.

– Видел, но не щупал, – поддел меня бармен.

– Не твое дело.

– Не злись, командир, – с укоризной, но вместе с тем и подбадривающе глянул на меня Крис. – Я же не хочу тебя обидеть. Ну, страшное у тебя лицо, но ты же к нему привык. И мне все равно, какое оно у тебя. Поверь, я и не такое видел... И Марица у меня совсем не брезгливая... И утешить может, и приласкать...

– Не понял, – заинтригованно повел я бровью, верней, зарубцованным ожогом на ее месте.

– Да, приласкать может Марица. За определенную плату... Но учти, она совсем не то, что ты подумал. Она маркитантка... Думаешь, кто меня продуктами снабжает? Она. Где она их находит, я не знаю. У каждого свои секреты. Но находит, приносит, продает. И живет у

меня, комната у нее своя. И на кухне тоже она. На всем, на чем можно, зарабатывает. Потому натура у нее такая, торгашеская. Ты ей заплати, она и тебя приласкает. А на твое лицо даже не посмотрит... Ну вот, легка на помине.

В зале, будто материализовавшись из сумрака, появилась красивая брюнетка лет двадцати пяти с черными, словно антрацит, глазами. Мягкий обволакивающий взгляд, чуточку ироничная улыбка, завораживающе плавные движения, женственная походка. Шея повязана черным шелковым шарфом; черная кофточка с соблазнительным декольте, короткая плиссированная юбка из черного атласа, ажурные колготки того же цвета, а может, и чулки... Она была очень похожа на Лену, так и не ставшую моей женой.

Марица несла на подносе три тарелки борща. Как будто знала, что в зале только что появились три голодных посетителя. Увидев ее, парни застыли, как вмерзшие в лед, не в силах поверить в происходящее. Да я и сам смотрел на девушку с открытым ртом, как будто она была фантастическим видением, которое вот-вот могло исчезнуть, раствориться в сумраке зала.

Она нежно улыбалась моим бойцам, казалось бы, не замечая их внешнего уродства. Значит, все-таки прав был Крис, за деньги она готова приласкать хоть черта. Но мне какое дело до ее моральных устоев? Тем более что далеко не всякая женщина может переступить через себя, чтобы утешить таких красавцев, как мы.

Марица молча прошла мимо, бедром едва не коснувшись моего плеча, окутав меня волнующим запахом масла розы, жасмина и лаванды. Она поставила поднос на стол, за который движением руки пригласила остолбеневших бойцов.

На обратном пути она все-таки коснулась меня, но не бедром, а освободившейся рукой; едва ощутимо провела ею по моему плечу, будто приманивала, звала за собой. Но я-то знал, что еще рано идти с ней... Знал. Я действительно знал, что буду с ней сегодня.

А ведь нам пора возвращаться на заставу, нельзя тянуть время. Но я не чувствовал в себе сил справиться с навязанным искушением. Ведь Крис четко сказал, что за деньги с Марицей можно многое, а она, похоже, согласна на все...

Девушка вернулась, поставила передо мной глиняный горшочек, качнув, будто нарочно, вздыбленным бюстом, что едва не вываливался из лифа.

– Хорошие горшочки, – сказал старик, когда искусительница ушла.

– Да уж, – растерянно кивнул я. – До сих пор перед глазами стоят.

– Ты о каких горшочках думаешь, командир? – спросил Крис, усмехнувшись в кулак. И взглядом показал на жаркое. – Я про эти горшочки говорю. Из девонской глины слеплены, цены им нет. И жаркое хорошее, домашняя тушенка там, и грибочки тоже домашнего засола...

Жаркое действительно оказалось вкусным, но ел я без особого аппетита. Марица так заворожила меня, что я ни о чем другом не мог думать.

– Сколько у тебя еще времени, командир? – заговорщицки подмигнул мне бармен.

– Ну, пока темнеть не начнет... Часа два-три, думаю... Нет, час, не больше, – вняв голосу совести, поправил я самого себя.

– Марица пять тысяч за час берет. Пойдешь?

Разумеется, уговаривать меня не пришлось. Крис жестом велел мне снять бронежилет с разгрузкой, будто слепого, взял меня под руку и провел к барной стойке, за которой скрылась Марица.

По пути Крис привычно четким движением руки смахнул со стеллажа бутылку абсента. Опустив ее на стойку, повел меня дальше, в коридор, вдоль которого с одной стороны тянулся пищеблок, а с другой – подсобные помещения, переоборудованные, как я вскоре понял, под жилые комнаты. Освещения здесь не было, но привыкшие к сумраку глаза кое-что видели в темноте.

В меблированной комнате, где ждала меня Марица, было светлей, чем в коридоре. В дальнем углу, создавая настроение, мерцал красный огонек. Девушка сидела на диване, опира-

ясь на правую руку, раскрепощенно забросив ногу на ногу. В левой руке тлела тонкая сигарета, но пахло почему-то не табачным дымом, а колдовской сон-травой...

Об этой траве я имел самое смутное представление, но почему-то именно ее запах пришел мне на ум.

– Сейчас коктейль подам, – закрывая за мной дверь, сказал Крис.

Разумеется, эта услуга оплачивалась по отдельному прейскуранту, но не в том я сейчас находился положении, чтобы считать деньги.

Не поднимаясь, Марица показала мне на мягкое кресло, стоявшее посередине комнаты возле пустующего журнального столика, приткнутого к стене. Я покорно принял ее приглашение и погрузился в его пушистые объятия.

Сидеть в этом кресле было настолько же удобно, насколько медленно я мог бы встать на ноги в случае опасности. Но ни о каких угрозах я и думать сейчас не мог. С мило-порочной, пьянящей улыбкой Марица поднялась, нежно коснувшись пальцами моей щеки, встала у меня за спиной. Ее совершенно не смущал мой уродливый вид. И еще мне казалось, что эта красотка без ума от меня...

В комнате не было зеркал, отсутствовало и окно, в стекле которого можно было бы уловить изображение женщины. А мне хотелось смотреть на нее.

Марица молчала и в зале, и здесь, но я был почти уверен, что голос у нее нежный, чувственный и певучий.

– Расслабься, – сказала она, мягко коснувшись пальцами моей шеи. – И попробуй попасть в настоящее.

Ее голос звучал именно так, как я это и представлял. Удивительная женщина.

– А разве я не в настоящем? – спросил я, чувствуя, как приятно занемели шейные мышцы.

Волнующие прикосновения, дурманы. Казалось, никогда еще я не испытывал такого наслаждения.

Этот массаж парализовал сознание и усыпил инстинкты. Марица могла бы сейчас взяться за нож, приставить его к моему горлу, и я бы не шелохнулся, если бы свободной рукой она продолжала разминать мои мышцы. Я целиком находился в ее руках и совершенно при этом не боялся умереть... Да, истосковалась душа по женской ласке.

– Нет. Люди живут в прошлом и в будущем. А настоящее им недоступно. Настоящее – это вечная жизнь. Без прошлого и будущего. А у тебя есть прошлое?

– Есть, – зачарованно кивнул я.

– И оно держит тебя. А что у тебя было в прошлом хорошего?

– Все было... Мать была, отец...

Я вспомнил, как мы всей семьей плыли по реке на лодке. Отец был на веслах, о чем-то разговаривал с матерью, я же находился в носовой части, баловался, низко склоняясь над водой, хлопал по ней ладошкой, ловил ртом брызги. И доигрался – вывалился с лодки. До сих пор помню, как заложило у меня уши от собственного крика. Я отчаянно бил по воде руками, пытаюсь удержаться на воде, а отец внимательно смотрел на меня, но даже не пытался помочь... Он бы, конечно, нырнул за мной, если бы я ушел под воду. Но я смог удержаться на плаву и даже сам подплыл к лодке, схватился за борт. Отец тогда и рассказал мне сказку о двух мышках, угодивших в крынку с молоком. Одна из них сдалась и утонула, другая же барахталась до тех пор, пока не взбила сливки и таким образом спаслась...

Мои родители погибли в автокатастрофе, когда я оканчивал четвертый курс военного института. И хотя их смерть никак не была связана с Аномальем, я сам попросил направить меня в Зону. Первое время после гибели самых близких мне людей я совершенно не боялся смерти. И не вспоминал сказку о двух мышках. И только оказавшись в самом пекле событий, я вдруг вспомнил, что такое страх. Тогда я по-настоящему научился выживать...

- Где твоя мать? Где твой отец? – Голос Марицы вытянул меня из прошлого в настоящее.
- Их нет.

– Вот видишь, их нет. Они мертвы. И прошлое твое мертвое, – заволакивающим голосом вещала она. – Мертвое, но с тобой. Как мозоль. Что такое мозоль? Мертвая кожа. Но ты ее не срезаешь, ты ходишь с нею. Натираешь ее сапогом, она болит, но ты все равно ходишь... Так и с прошлым. Если прошлое мертвое, его нужно срезать. И жить настоящим....

Мягким движением руки она глубоко продавливала мышцы трапеции, и мне вдруг стало казаться, будто на спине у меня выросли крылья и мы вместе с Марицей возносимся к седьмому небу, где ждут нас глубокие и теплые озера вечного блаженства. И еще мне нравилось то, что она говорит... Это же так здорово жить в настоящем. Марицы нет в прошлом, ее не будет в будущем – она все время в настоящем, и ее руки будут ласкать меня целую вечность... Ну а если это мне надоест?

- А ты живешь настоящим? – спросил я.
- Да... Все зосы живут настоящим. В этом их счастье...
- Не хотел бы я такого счастья... Но ты же не зос!
- Нет. Но я могла бы стать их завтраком. Или обедом. Или ужином. В перспективе. А перспектива – это будущее. Но у меня нет будущего. И у них тоже. Мы с Крисом живем в одном с ними измерении, поэтому они нас не трогают.
- А почему они не трогают нас? – неожиданно для себя спросил я.
- Потому что они ждут.
- Чего ждут?
- Когда проявится ваше прошлое... Кем ты был в прошлом?
- Тем же, кем и в настоящем, офицером.
- Ты убивал зосов?
- Приходилось.
- И твои солдаты убивали?
- Да, убивали. И зосов убивали, и людей.
- Они могут начать убивать и сейчас. И если это произойдет, зосы ответят тем же.
- Если мы вдруг начнем убивать, то это случится в будущем. А ты говоришь, что зосы живут в настоящем.

Я находился в каком-то полугипнотическом трансе, безвольно плыл по волнам телесного удовольствия, но мои мысли шевелились – как привязанные к дереву ленточки, свободными концами брошенные в текущую воду.

- Если ваше прошлое вернется, оно перенесет в будущее не только вас. Вместе с вами туда попадут и зосы. И также будут убивать. Остановиться они уже не смогут... Но мне кажется, нам всем лучше оставаться в настоящем... Или вы обязаны их убивать?

- Кого, зосов?.. Не знаю...
- Зачем вас сюда послали?
- Для борьбы с мародерами. Про мутантов разговора не было, – с насмешкой произнес я. – Начальник сказал, что их здесь нет. Зона, заявил он, растет, а зосов больше не становится. Поэтому и плотность их уменьшается... Не ставили нам задачу зосов истреблять. А их здесь полным-полно. Чего не скажешь о мародерах...

- К нам иногда заглядывают мародеры. Придут, побудут, а потом уйдут, чтобы грабить... И больше не возвращаются.

- Почему?
- Добычу найдут, а будущее потеряют. Одно только настоящее остается...
- Не понял.
- Настоящим они заражаются...
- И кто их этим настоящим заражает? Зверопсы?

– Не только.

– Злоформеры.

– Тсс! – испуганно напряглась Марица. – Я об этом и думать не хочу... И говорить тоже.

– Почему?

– А ты здесь с нами на ночь останься, – перешла на шепот она. – О них даже думать нельзя... Все, молчу...

– Страшно здесь ночью?

– Да.

– Может, к нам на блокпост переберетесь?

– Нет. Вы обречены. Я лучше с Крисом останусь, его никто не тронет. И меня с ним тоже... А вы обречены, – повторила она.

– Кто тебе такое сказал? – на удивление спокойно отреагировал я.

– Вы не убиваете. Но вы грабите. Зачем вы в поселок приехали?

– Мы не грабим. Мы просто взяли то, чего у нас нет. Все, что взяли, оставим на блокпосте. Генератор, солярку, прожекторы...

– Зачем вам это все нужно? Почему вы не привезли это с собой?

– Потому что нас обманули. Начальник знал, что здесь зосы. Нас бросили сюда на съедение...

– Вас предали, – утверждающе заявила она.

– Нет.

– Ты просто не хочешь верить в то, что вас предали. Но это так.

– Нас предал начальник, но не страна.

– Вас предало ваше прошлое. И если вы сможете его забыть, то сумеете жить только настоящим. Жить здесь, в своей крепости...

– Забыть – значит предать. Пршлое предало нас, а мы предадим его. И тогда у нас все будет в порядке. Откуда такая уверенность?... Кто ты? Может, расскажешь о своем прошлом?

– Как-нибудь в другой раз... Все, командир, твое время истекло, – убрав с моих плеч руки, сказала она.

– Это и все?! – недоуменно протянул я.

Чувственный массаж – это прекрасно, спору нет, но я-то, честно говоря, рассчитывал на большее. Да и не мог час пролететь так быстро. Все только началось, и на тебе...

– Время, – бездушно повторила она.

– Но еще час не прошел... И Крис обещал коктейль...

– А на столике что? – удивленно спросила Марица.

Она по-прежнему стояла у меня за спиной. Может, ей стыдно было смотреть мне в глаза. Целомудренно, считай, приласкала меня, заговорила, продинамила. А время шло, и деньги капали.

Я глянул на столик и увидел два пустых коктейльных бокала с трубочкой. А ведь не было здесь ничего, когда я садился в кресло... Что это, провал в памяти? А может, гипноз?..

– Но я этого не помню.

– Мы говорили о твоих родителях. Ты тонул в прошлом, поэтому не видел, что происходит в настоящем... Пршлое тебя не отпускает... Но мы не будем говорить об этом, ладно? Твое время вышло, командир.

Выбираясь из объятий глубокого кресла, я вдруг поймал себя на мысли, что не Марица стоит за моей спиной, а какое-то бесформенное, а может, и бестелесное существо. Но повернувшись к ней, убедился, что это не так. Женщина мило улыбалась мне. Все такая же красивая, все так же в черном...

Я вынул из кармана водонепроницаемый бумажник, достал оттуда деньги, положил их на журнальный столик, но Марица на них даже не глянула. Как будто не для того приманила она меня к себе, чтобы заработать...

Глава 10

Коси, коса, пока роса, но время уже за полдень. Работу пора заканчивать, но косари только-только вышли в поле... И не люди это, а зомби.

Они шли по полю широкой цепью, как это делают косцы, срезая хлеба. Но кос у них не было, и трава не кланялась им. Они просто шли на север, в сторону чистых земель, но их еще хорошо видно со смотровой площадки блокпоста. И было их много, десятка два, не меньше.

Неясно, как смогли они скопом собраться в одном месте. Да и само по себе зрелище, надо сказать, завораживающее. Неудивительно, что почти все бойцы высыпали на крышу, к пулеметам, стволы которых были повернуты в сторону зомби.

– В атаку они, что ли, пошли? – пожал плечами Шпак.

– Ага, на сорок второй-дробь-пятый... – хмыкнул Якут. – Не дойдут, на запчасти развалятся...

– Жаль, минометов нет, вот бы шарахнуть! – затрепыхался, как выпел на ветру, Титаник.

– Будут минометы, – махнув на него рукой, в раздумье произнес я. – Должны быть...

Вчера утром мы вновь попытались прорваться к чистым землям, но гравитационные аномалии снова преградили нам путь. Тогда я опять связался с командиром бригады, и он, явно удивленный тем, что мы до сих пор живы, пообещал выслать нам вертолет с грузом.

Вот его мы и ждали, когда вдруг появились зомби. Плетутся через поле неизвестно куда. Или тоже собираются встречать вертолет?

– Может, они из Мокрянки валят? – спросил неугомонный Титаник. – Ну, чтобы Марице спокойней жилось... Когда мы туда поедem, командир? Страсть как хочется с этой Марицей покуролесить!

– Чего ты несешь, куролес? – пренебрежительно скривился Баян. – Кто тебе сказал, что с ней можно куролесить?

Я и не пытался застолбить право на Марицу. Может, красотка и произвела на меня сильное впечатление, но, как ни крути, а она – женщина общего пользования, сама себя так поставила. Меня она смогла продинамить, а с кем-то этот номер не прошел. И не счесть, сколько мужиков протопталось по ее тропке. И сколько еще будет... Так что, если кто-то из моих подчиненных вдруг захочет, препятствовать я не стану. Конечно, если еще раз выпадет случай...

Но я не стремился в Мокрянку. И у самого нехорошее предчувствие было, и слова Марицы запали в душу. Нельзя грабить и убивать, чревато это пагубными для нас последствиями...

В прошлый раз нам было позволено беспрепятственно покинуть поселок, и трофей мы увезли богатый. К двум прожекторам с автокомбината добавили полудюжину тех, что почти за бесценок продал нам Крис. Дизель-генератор тарахтит себе тихонечко в дальнем боксе гаража – с электричеством все в порядке; насос уже в скважине – с водой также вопрос решен. Колучая проволока вокруг заставы натянута, осталось только огневую мощь нарастить, тогда можно расширять зону контроля. Но именно для этого и нужен вертолет с грузом, он же решит проблему с питанием. Сами борщи варить будем да жаркое стряпать...

Но грузоподъемность вертолета ограничена, и топлива ждать не приходится. Значит, рано или поздно придется ехать в Мокрянку, на заправку автокомбината. Может, и в этот раз пронесет. И в «Пещеру» по пути заглянем. На этот раз Марица не сможет меня продинамить... Ну вот, снова думаю о ней как эгоист. Вон Титаник на нее уже зуб точит.

– А что! Сами же сказали, что она за деньги дает! А у меня деньги есть! – на визгливой ноте заявил он.

– Фальшивые у тебя деньги, – косо глянул на него Баян.

– Да нет, настоящие!

– Тебе же сказали, что фальшивые, значит, фальшивые! – надвинулся на Титаника Якут. Парень попятился, но его тут же своей телесной громадой закрыл Малыш.

– Нормальные у него деньги, – оттолкнув Якута, прогудел он. – И я у меня тоже нормальные. И я тоже хочу!

– Хватит!.

Мне пришлось вмешаться, чтобы разрядить обстановку. Еще бы чуть-чуть, и Якут набросился бы на Малыша. Он был немного ниже ростом, но в рукопашном бою равных ему нет.

– Все хотят. Но не все получают. Марица сама скажет, с кем и когда...

Я и не надеялся, что маркитантка выберет именно меня, но слово сказано.

– Так, стойте, это нечестно! – взвился Титаник. – Я первый сказал, что хочу!

– Шпак, боец хочет убраться в сортире, – насмешливо произнес я, обращаясь к сержанту. – Надо пойти парню навстречу.

– Это запросто.

Шпак не мог сравниться с удавом, потому что не умел долго смотреть на жертву немигающим взглядом. Но ему хватило и нескольких секунд, чтобы загипнотизировать изворотистого, но трусоватого Титаника. Парень покорно склонил голову и, как тот кролик, отправился в пасть отхожего места.

Я же снова переключил внимание на зомби.

Они едва волочили ноги, но все же к тому времени, как в небе появилась летящая точка, они успели уйти так далеко, что без бинокля их уже трудно было разглядеть.

Но, похоже, их заметили с военно-транспортного «Ми-8МТ». Старенький, но надежный «мишка» снизился, прошел над зомби и, вновь набирая высоту, лег на боевой разворот. Я поймал вертолет в бинокль и разглядел на пилонах два контейнера с неуправляемыми ракетами. А это сорок мощнейших выстрелов.

– С ума они там, что ли, сошли! – возмутился Шпак.

Прямой связи с вертолетом у меня не было, поэтому я стал вызывать штаб, чтобы через него приструнить зарвавшихся пилотов. Сначала пусть груз по назначению доставят, а потом уже самостоятельностью занимаются.

Но эфир был плотно забит помехами, и сколько я ни старался, со штабом связаться не смог. А вертолет тем временем вышел на цель, и мне ничего не оставалось, как созерцать громовой фейерверк; точки ракет в одну сторону, струи реактивного дыма в другую.

Вертолет дал всего один залп, выпустив по десять ракет с каждого блока. Над полем, в зоне поражения, взметнулись фонтаны из земли, огня и дыма. Я не мог знать, сколько зомби уцелело, сколько их разнесло в клочья, да это меня и не волновало. Главное, что вертолет не стал разворачиваться для второго залпа, а повернул в нашу сторону.

Вертолетная площадка находилась с внешней стороны земляного вала, между первой и второй линиями ограждения, с выходом на дорогу к автопарку. Сами же мы вышли на обваловку, чтобы оттуда наблюдать за посадкой.

«Мишка» пошел на снижение, завис над площадкой, воздушными завихрениями прижимая к земле сухой ковыль. Я видел, как Чиж помахал пилотам рукой. И заметил, как те переглянулись. Я не знаю, кто из них и что кому сказал, но вертолет вдруг стал набирать высоту. Похоже, летчикам что-то не понравилось. И когда машина пошла на разворот, до меня дошло, что именно их встревожило.

– В укрытие! – заорал я, глядя, как вертолет готовится к атаке.

К счастью, вдоль земляного рва по кругу тянулись водосточные бетонные каналы около метра глубиной. Насколько я понимал, сделано это было не только для сбора дождевой воды. Эти траншеи связывали между собой дзоты, размещенные по всему периметру обваловки, и в них можно было укрыться от артиллерийского огня. Как же они сейчас нам пригодились.

Бойцы вовремя осознали, какая опасность им грозит, сноровисто рассредоточились вдоль земляного рва. Кто-то заскочил в дзот, кто-то нырнул в траншею, как это сделал я. А огневая атака не заставила себя долго ждать.

Восьмидесятимиллиметровая ракета с гулом пролетела над моей головой и с оглушающим грохотом угодила в торец западного гаража. Одновременно с ней в нескольких метрах от меня над обваловкой поднялся черный фонтан. Комья земли, обломки цементных блоков в чудовищной карусели смешались с дымом, гарью и огнем. Ударные волны всей своей тяжестью обрушились на меня, вминая мое тело в дно траншеи, а сверху мне на голову шлепнулся ком сырой глины... Но все-таки, примятый и оглушенный, я остался жив. Хотелось надеяться, что повезло и всем остальным.

Вертолет мог выпустить десять ракет – по пять из каждого блока, но, похоже, он выстрелил разом весь остаток боезапаса. Я слышал, как винтокрылая машина на развороте прошла над заставой.

Похоже, все...

Нам еще повезло, что вертолет не был оборудован подвижной установкой для четырехствольного авиационного пулемета. А то расстрел-шоу мог бы продолжиться... Но нет, вертолет заложил вираж и, медленно набирая высоту, поплыл на север. И сам уходит, и груз наш уносит...

Я поднялся на затянутую дымом обваловку, осмотрелся. В крыше и стене гаражного бокса зияли огромные дыры, досталось и столовой, и гостинице, из выбитых окон которой клубилась гарь. Но все же большая часть ракет угодила в земляной вал с внешней стороны, вспахав грунт и скрытые под ним мины. Из воронок поднимался едкий дым, отчего слезились глаза и щекотало в носу.

С восточной стороны, вдоль полуразрушенной обваловки ко мне шли бойцы. Гуцул идет бодро, Скорняк – вообще чуть ли не вприпрыжку, этим он выражает свое возмущение. Оба закоптелые, в пыли, на плечах комочки земли. Зато Чиж и Шарп совершенно не измазались. Эти выбрались из дзота слева от въездных ворот. Идут, бравируют, дескать, и не такое видали. Пух их догоняет. Похоже, он угодил в сток, куда в прежние времена сливалось отработанное масло – чумазый, армейский комбинезон похож на танкистскую робу: настолько же темный. Но это не мешало ему жевать галету. Видно, на фоне опасности у парня разыгрался аппетит. Шпак стоял у ворот, он не мог идти, потому что вынужден был смазывать глаза, пострадавшие от земли и дыма. Ничего, это пройдет, и он еще повоюет.

Малыша и Титаника не было, но эти оставались в туалете, когда мы шли встречать вертолет. Один убирал, другой присутствовал рядом из солидарности. Надо будет посмотреть, как там они.

– Командир, что это было? – брюзгливо спросил Скорняк.

– А ты угадай.

– Похоже, нас приняли за зосов.

– Не знаю, за кого нас приняли, но ужин улетел, – тяжело вздохнул Пух. – Опять будет лапша.

– Радуйся, что вообще будет, – недовольно буркнул Чиж. – Хорошо, что «вертушка» по зомби отстрелялась, а то бы на второй круг пошла. Накрыло был нас, как тот кобель сучку...

– Ничего, еще накроют. Сейчас боевые «вертушки» пожалуют, с полным боекомплексом...

– Пока они пожалуют, с этим разобраться надо, – кивнул я в сторону столовой, где, похоже, занимался пожар.

Я уже собрался послать туда людей, когда Скорняк протянул руку в сторону вертолета:

– Эй, что это с ним?

«Мишка» уже сделал разворот и взял курс на север. Но что-то мешало нормальному полету. То вниз провалится, то резко поднимется вверх, и фюзеляж противоестественно крутится под винтом, как будто за хвост кто-то тянет. Казалось, что машина угодила в гигантскую воздушную воронку, которая всасывала ее в себя... И казалось, и на самом деле все было именно так.

Пилоты пытались вытянуть вертолет, но стихия оказалась более сильной, и в конце концов все закончилось катастрофой. «Ми-восьмой» рухнул на хвост и распластался по земле. Над местом падения взвился черный дым.

– Гуцул, к машине! – заорал я. – Скорняк, Чиж, – со мной. Шарп, Пух – оставайтесь здесь, тушить пожар... Якут, где, Баян, Малыш, Титаник? Шпак, займешься этим! Всех найти, обо всех доложить!

О пропавших бойцах я узнал уже после того, как мы на бронетранспортере выехали к месту катастрофы. Мы тряслись по бездорожью заросшего поля, когда со мной связался Шпак.

– В дзоте их нашли, – доложил он. – Вход земель завалило, ничего, откопали. Живые, только дыму надышались... Малыш тоже нашелся. С ним все в порядке... А Титаник...

Шпак потянул паузу, и у меня в тревожном ожидании сперло дыхание. Да, Титаник далеко не самый ценный боец в моем подразделении, но все-таки это потеря.

Я ждал, что сержант скорбно известит меня о гибели солдата. Но тот издал ехидный смешок:

– Титаника отмываем.

– Уже?

– Да не обмываем, а отмываем. Живой он. Только воняет очень...

Оказалось, одна из ракет разорвалась рядом с туалетом, где в тот момент находился Титаник. Укрытий поблизости не было, а обстрел мог повториться в любой момент, поэтому парень не нашел ничего лучшего, как нырнуть в дырку под бетонную плиту.

– Со страху втиснулся, – смеялся сержант. – А обратно никак, ломать пришлось... Ничего, воды нынче много. Отмоется...

– Ну что же, жизнь продолжается, – насмешливо произнес я. И, нахмутив брови, добавил: – В оба там смотрите!

– Вы там сами осторожней!

Шпак опасался за нас не зря. Мы спешили к вертолету, поэтому Гуцул развил скорость, непозволительно высокую для местности, напичканной аномальными зонами. Но там, прямо по курсу, были еще и уцелевшие зомби, они тоже направлялись к упавшему «мишке».

Падение вертолета значительно смягчили работающие винты, поэтому летчики могли уцелеть и даже самостоятельно покинуть загоревшуюся машину. Но смогут ли они уйти от зомби? Если нет, то им помочь могли только мы. Сначала спасти, а затем от всей души начистить им физиономии: есть за что.

Аномалии нас миловали, и вертолет, как оказалось, пострадал не очень сильно. Сгорел только оторвавшийся хвост, фюзеляж всего лишь промялся снизу, и обшивка лопнула в нескольких местах. И одному только военному богу известно, как не сдетонировали находящиеся в нем боеприпасы...

Увидели мы и летчиков, они оба уходили в поле, в сторону чистых земель, а их преследовали несколько зосов. Пилоты могли оторваться от них за счет скорости, но они почему-то отстреливались, вместо того чтобы смотреть под ноги.

Мы обогнули вертолет, чтобы нагнать летчиков, взять их на борт. Но их снова смутили наши изуродованные лица, и они, повернувшись к нам спиной, перешли на бег. Но не успели сделать и нескольких шагов, как оба вдруг взвились в воздух, закружились, вздымая кверху руки. Я видел, как гравитационная сила сжимает их тела. Так происходит с горшком, вращающимся на гончарном круге, когда руки мастера сужают верх заготовки в тонкое горлышко.

Потом горшки ставят в горн на обжиг, и некоторые там лопаются, не выдерживая накала. А пилоты попросту взорвались, оказавшись в центре аномалии... Я слышал их крики, потом раздалась хлопки, похожие на те, с которым лопаются комары перед мощным фумигатором. Это разлетелись на части несчастные летчики... Уж лучше бы я им хорошенько врезал, чем такое.

Зомби, казалось, не видели, куда делись пилоты. Даже головы не подняли, взглядами сопровождая их полет. Но запах свежей человечины они учуяли сразу. Я видел, как один из них поднял с земли оторванную руку с остатками синей материи на ней, жадно впился зубами в теплую еще плоть. Другой устремился за ногой...

Башня с жужжанием повернулась в сторону зомби, стволы пулеметной установки угрожающе опустились. Я понимал, что смотреть на эту сцену равнодушно невозможно, и не осуждал Скорняка, вставшего за пулеметную установку.

– Отставить!

Но все же я удержал его. Запрыгнул в отделение управления, оторвал парня от пулемета:

– Не надо... Ты им уже ничем не можешь...

– А если с нами так же? – рыдал Скорняк.

– И с нами так будет. Если начнем стрелять... Они огонь открыли, за это и получили...

Не трогай Аномалье, и Аномалье не тронет тебя, – сказал я, сам от себя того не ожидая.

– Это трусость, – мотнул головой боец.

– Это осторожность... – не согласился с ним Гуцул. – А что до зосов, так ты сам сказал, что они ничем не хуже, чем мы... Говорил?

– Говорил... Но ведь они хуже.

– А в чем они перед нами провинились? Тем, что хочется жрать?... Командир правильно говорит: не надо рыпаться... Уходим, командир?

– Не уходим, а идем. Тихонечко, к вертолету...

Неплохо было бы собрать останки летчиков, запаковать их в мешок, чтобы затем оформить их в груз «двести». Но не хотелось связываться с зомби...

Увы, но мы тоже такие же отверженные, как и они. Люди с чистых земель также видят в нас врагов. Сначала отправили нас в изгнание, а сегодня едва не погребли под ракетным залпом.

Зосы действительно живут в настоящем. У них нет ни прошлого, ни будущего. Может, и нам пора забыть о своем прошлом и сосредоточиться на одном только настоящем. Тем более что на Большой земле для нас жизни нет. Никому мы там не нужны. А здесь у нас команда, здесь блокпост, который мы обустроим, чтобы жить если не полноценной, то близкой к тому жизнью. Мы должны принять Аномалье таким, какое оно есть, тогда и оно будет милостиво к нам...

И оно уже помогает нам. И хотя мы не просили у него уничтожить вертолет, это случилось – одна гравитационная аномалия швырнула машину на землю, другая расправилась с экипажем. И за нас, можно сказать, Аномалье отомстило, и груз нам вернуло... Но только радоваться совершенно нечему. Ведь летчики не виноваты, что приняли нас за зосов. И смерти они не заслуживали. А груз мы бы все-таки получили, правда, после того, как начальство произвело бы разбор полета.

И еще не нравилось мне, что Аномалье вывело зомби навстречу вертолетам, как будто для того, чтобы спровоцировать пилотов; они попались на эту уловку, бой разгорячил их, и они решили, что блокпост захвачен зосами. Поэтому и открыли огонь... А я не мог с ними связаться, поскольку связь со штабом не работала. И спрашивается, почему? Уж не аномалия ли в эфире помешала?..

Может, Аномалье и помогало нам. Но помощь эта необязательная. Прежде всего таинственные силы спровоцировали экипаж вертолета, а потом отомстили парням за ракетный

залп... И за зомби отомстили. И за нас... Может, мы так же, как зосы, стали составной частью Аномалья?..

Как бы то ни было, но груз действительно мало пострадал. В три этапа, не торопясь, мы перевезли его на базу. И Аномалье не пыталось препятствовать нам... Кажется, мы действительно стали для него своими... Возможно, поэтому нам и заказан путь на север, обратно к людям...

Глава 11

Дождь барабанил по броне бронетранспортера так, что казалось, будто по ней скребут когти косоорога. Но мне почему-то совсем не было страшно. Так, легкое опасение на душе, сопутствующее боевому выходу... Похоже, я стал терять осторожность.

Да, я пробовал призывать себя к бдительности, настраивал на смертельную угрозу, которая могла ждать нас в Мокрянке. И к автокомбинату мы подбирались по всем правилам военной науки. Но хозяйничали там без всякого зазрения совести. Мало того, что двигатель с «КамАЗа» сняли, так еще и «ЗИЛ» на ход поставили. Инструмент весь из боксов забрали, домкраты, подъемник для двигателя, еще кое-какое оборудование, поместили все это в грузовик. Бочки для топлива нашли, бензином их заправили, мазутом для котельной разжились... В общем, трофеи взяли богатые. Но и это еще не все. На обратном пути я решил заглянуть в «Пещеру».

На этом пути нас и застал дождь. И я без особых волнений дал команду занять места внутри бронетранспортера. Гуцул за рулем, я на командирском месте, Шпак за пулеметом, рядом с ним Скорняк, в десантном отсеке Чиж и Титаник. Якут и Баян в кабине «ЗИЛа» спокойно едут за нами, поддерживая связь в эфире. А ведь аномалии, казалось бы, никто не отрицал. И зомби по-прежнему бродят по улицам поселка. И зверопсы там могут быть, и кенги... Гуцул и я следили за дорогой, не столько зрением, сколько интуицией высматривая возможные ловушки. И приборы детекторного видения включены. Посылка от полковника Брыля, подарок погибших летчиков; хорошая техника, третьего уровня распознавания. Но все же я считал, что этих мер недостаточно. Хотя при этом тревога меня не мучила. Как будто кто-то внушил мне уверенность, что Аномалье вовсе не враг нам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.